

Лауреат
конкурса

*Рукопись
года*

Ида МАРТИН

ДЕТИ ШИНИ

#НИКТОНИКОГОНЕЛЮБИТ

Annotation

Шестнадцатилетняя Тоня живет, отгородившись от чувств и волнений, но видеозапись девятиклассницы Кристины, обвинившей Тоню и еще шестерых таких же одиночек в своей смерти, безжалостно переворачивает ее привычный, упорядоченный и закрытый мир.

Ролик стремительно приобретает популярность в сети. А интернет-сообщество решительно настроено наказать «убийц» Кристины.

Что же остается делать, когда «никто никого не любит», тебе шестнадцать, а весь мир против тебя?

Ида Мартин

Дети Шини

Все мысли о смерти нужны для жизни.

Л. Н. Толстой

© Ида Мартин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Все началось после Нового года. Прямо первого января. Но я узнала об этом лишь третьего, когда мы с родителями вернулись из дома отдыха.

Все праздники мы проводим в компании шумных родительских друзей. Так повелось с самого детства, но я все равно никак не могу привыкнуть.

Каждый раз чувствую себя не в своей тарелке, особенно когда они начинают приставать с расспросами: о школе, друзьях и парнях, о том, что я думаю и чувствую. Почему не болтаю с ними, не танцую и отчего «такая напряженная».

Мне не нравится рассказывать о себе не только из-за того, что я не такая открытая, как мама и папа, но еще и потому, что эти люди постоянно забывают, что спрашивали о том же самом на прошлой встрече.

Дети вообще мало кого интересуют, а подростки и подавно. Ведь, как сказала тетя Наташа: «Какие у вас могут быть проблемы? Живите себе и радуйтесь». Действительно, нам не нужно заключать договоры, брать кредиты, искать заказчиков, согласовывать проекты, оплачивать счета, а значит, и проблем вроде нет.

На этот раз им представилась отличная возможность посмеяться над цветом моих волос. Киноварь, рубин или гранат? Пришлось сказать, что мои волосы тупо красные, и уйти играть в бильярд. Я всегда в таких случаях уходила играть, у бильярдного стола было спокойно, никто не доставал, и я часто выигрывала.

Позже мама все равно сделала мне выговор, что так разговаривать невежливо, а я ответила, что невежливо судить всех по себе, и два оставшихся дня мы с ней почти не разговаривали.

Пока ехали из дома отдыха, я всю дорогу глазела в окно, сквозь снежную мглу, и думала о том, как было бы здорово навсегда затеряться в этом снегу, где-то по дороге, среди немых белых полей, за пустым безликим горизонтом, самой по себе, здесь и нигде. Превратиться в легкое облако и плыть над землей, ни с кем не разговаривая, ничего из себя не изображая, ни о чем не думая и не беспокоясь. От этой глупой фантазии мне на миг стало удивительно легко и спокойно. Возможно, то было предчувствие или ожидание, а может, и то и другое.

Но когда мы вошли в квартиру, скинули сумки и разошлись по комнатам, неясное и волнительное чувство освобождения мигом исчезло, а на его место вернулась привычная повседневная тяжесть. Тупая и тянущая, словно к сердцу привязали камень.

Первым делом, открыв компьютер, я стала удалять из почты штампованные поздравления с Новым годом, и когда наткнулась на письмо Кристины Ворожцовой из девятого класса, почти отправила его в корзину. Однако раньше Кристина мне не писала, а в теме ее письма ничего не говорилось про Новый год. Там было просто: «Для Тони», будто на мою почту могли приходить письма для кого-то другого.

Само же письмо звучало так: «Привет, Тоня! И пока, Тоня! Уверена, ты меня поймешь. С любовью, Кристина». И чуть ниже — гиперссылка на Ютуб. Подобное заявление сразу показалось подозрительным. С чего бы Ворожцовой меня любить?

Комп немного побуксовал, подумал, но все же открыл видеоролик.

На экране — Кристина с длинными черными распущенными волосами и в белой ночнушке. Ни дать ни взять девочка-призрак из фильма «Звонок».

В последнее время Кристина сильно изменилась. Когда-то она выглядела как типичная отличница, вся такая прилежная и аккуратненькая, с косичкой до попы, в плиссированной юбке ниже колен и черных блестящих туфлях-лодочках. Но потом ее будто подменили.

Как-то раз я обедала в столовой, и тут вошла она. В черном длинном платье до пола, глаза подведены черными стрелками, даже ногти на руках черные, а волосы зачесаны наверх и уложены в пучок. Допотопно и по меньшей мере странно. Сначала я подумала, что это репетиция спектакля, но когда через пару дней перед первым уроком наткнулась на нее в раздевалке, поняла, что теперь она всегда так ходит.

В этом ролике ее лицо было очень бледным, а взгляд опущен на листок, по которому она, едва шевеля губами, читала:

«Помочь никто не может. Вчера — не вернешь, сегодня — кажется мало, завтра — не наступит никогда.

Мы все одиноки на пути бесконечных страданий, а мои слова — бессмысленный пустой звук в яростно ревящем гуле одиноких голосов. Каждый хочет высказаться, но никто никого не слышит, не видит, не чувствует.

Никто никому не нужен. Выживает лишь тот, кто придерживается законов эгоизма, подлости и силы. Дружба ничего не стоит, а смерть сильнее любви.

Возможно, у меня был шанс, но несколько обычных людей, моих ровесников, которые ходят с вами по одной улице и дышат одним воздухом, наглядно показали мне, как я слаба и беззащитна перед этим варварским, жестоким миром. И я бы очень хотела, чтобы их знали в лицо».

Кристина вытащила листок А4 и показала его в камеру. Это была распечатанная фотография.

— Даня Марков. — Она сама еще раз взглянула на листок, словно не была уверена, что это он.

Марков! Мой ботанический одноклассник. Что он ей сделал?

Ворожцова отшвырнула лист с физиономией Маркова и достала другой портрет.

— Егор Петров.

Этого я тоже знала. Из одиннадцатого. Типа видеоблогер, а на самом деле просто человек-камера.

— Настя Семина.

Настя-бэшка. Тишайшее и бледнейшее создание, еще более замороченное, чем сама Кристина.

— Саша Якушин.

А этот что здесь делает? Я посмотрела на фотографию и сначала не узнала Якушина: он подстригся и стал еще лучше. Моя бывшая безответная любовь.

Якушин неожиданно ушел из школы в прошлом году, прямо из одиннадцатого класса, и с тех пор я его не видела. Он не из тех, кто выкладывает свои фотки в ВК. Но при чем тут Кристина?

— Вадим Герасимов.

Герасимов? Еще один мой одноклассник. Тормоз и грубиян. Ему вообще ни до кого дела нет.

— Тоня Осеева.

Что? Какого черта?! Я увидела свою физиономию на фотке и обалдела. Как такое

возможно? Я всегда нормально относилась к Ворожцовой, не лучше и не хуже, чем к остальным. Какая-то дурацкая шутка, новогодний прикол. Но разве таким шутят?

Кристина показала еще одну фотографию. Незнакомый светленький парень — Костя Амелин.

Выбросив из рук последний лист, она сказала: «Именно они стали причиной...» — и, не договорив, осеклась. С трудом изобразила улыбку и отключила камеру. Ни слова о розыгрыше, ни намека на шутку.

Я так быстро отставила остывший чай и посмотрела на дату письма — 1 января. Два дня назад. Хорошо бы позвонить этой дуре и высказать все, что я о ней думаю. Но где взять ее телефон? Впрочем, можно и через соцсети. Кого я из девятого знаю? Смирнову, Зайцеву, Ким.

По запросу «Кристина» Ворожцовой не нашлось, а у каждой из этих девчонок по двести-триста друзей. Поди разбери, под каким ником она живет в сети.

Внезапно дверь в комнату открылась, и, как всегда торопливо, вошла мама, уже вся разодетая и надушенная.

— Мы с папой уезжаем. Видимо, допоздна. По делам.

Я машинально прикрыла крышку ноута. Хотя ни мама, ни папа никогда не пытались в него заглянуть. Им совершенно не до того, у них всегда «по делам».

— Светик, мы сейчас опоздаем, — крикнул из коридора папа, и она, махнув рукой, выскочила из комнаты.

— Пока, — попрощались родители, и дверь за ними захлопнулась.

Родители работали вместе, в одной риелторской конторе, только мама специализировалась на загородной недвижимости, а папа — на городской. Рабочий день у них был ненормированный, вечером они частенько задерживались до двенадцати, а в любой выходной могли сорваться по первому звонку. Так что свою учительницу по математике я видела гораздо чаще.

С их уходом в квартире мгновенно повисла неуютная, давящая тишина, а серый полумрак сумерек зловеще пополз по углам. И мне тут же стало не по себе.

Я давно научилась отгораживаться от всего на свете — малейшего душевного смутения, застревающих в горле эмоций, болезненных и беспокойных мыслей, но перестать бояться темноты не могла никак.

Это было с самого детства. Особенно, когда я одна. А одна я почти всегда. Так что стоило подняться и включить свет.

А что, если Кристина не шутила? А что, если все по-настоящему? В таких ситуациях люди бросаются звонить или писать своим друзьям, просить совета или жаловаться. Но у меня не было никого, с кем можно поделиться таким секретом. Раньше был один друг, но потом сплыл.

Где-то откопала телефон Герасимова.

— Привет. Говорить можешь?

— Ну, так, — не слишком довольный откликнулся Герасимов.

— Ты видел ролик Ворожцовой?

— Ну.

— И что думаешь?

— Без понятия. Я грохнул эту гадость.

— Слушай, Герасимов, тебе реально все по фигу?

— А в чем проблема? Я и знать-то ее не знаю, и ничего такого не делал.

— Я тоже не делала. Но она нас назвала.

— Сказал же, не знаю.

— Ладно. Пока.

— Пока, — послушно отозвался Герасимов.

С Герасимовым я училась с первого класса, и он всегда был мрачный, молчаливый и замкнутый. Говорили, что отец бьет его за все подряд. Но я в это не сильно верила, потому что в наше время детей уже никто так не воспитывает.

Как-то раз, вроде классе в седьмом, мама случайно увидела нашу общую классную фотографию и сразу ткнула пальцем в Герасимова:

— Вот, этот у вас самый симпатичный парень.

Мама как в первом классе не знала, с кем я учусь, так и до сих пор не знает. Кроме Павлика Подольского, конечно. Но Герасимов ей тогда приглянулся и запомнился, поэтому теперь, когда она делала вялые попытки поговорить со мной о школе, обязательно приплетала Герасимова.

«А тот высокий парень с голубыми глазами, он какую оценку получил?», или: «А тот симпатичный серьезный мальчик, он тоже едет на экскурсию?», или даже так: «Тоня, почему ты ни с кем не встречаешься? Я в твоём возрасте уже была по уши влюблена в папу. Не хочешь присмотреться к тому однокласснику?»

Она и запомнить-то не могла, что он Герасимов, а все равно повсюду его пихала, точно единственную особь мужского пола во всем районе.

В общем, пришлось залезть на страницу в ВК к Семиной (правда, на фотке была не сама Настя, а Мэй из «Иной» — девочка, прячущая под черной повязкой свой искусственный кукольный глаз, которым она видела мертвых) и написать ей сообщение: «Привет. Я получила письмо Кристины Ворожцовой. Что это?»

Затем нашла страницу Маркова и отправила ему такое же послание.

Раньше, из-за одной дурацкой истории, произошедшей в седьмом классе, я на дух не переносила Маркова. В моих глазах он был главным школьным злодеем, с вредным ботанским доставучим характером. Но потом, после того как я решила не беспокоиться по пустякам, Марков превратился просто в Маркова.

Третье января, кругом веселье и движуха, а у меня — тишина и белое мерцание экрана. Встала и побежала включать везде свет. Надо же, чуть не провалилась в крошечную темноту и не впустила своих ночных призраков.

Попробовала вспомнить все, что знала о Кристине Ворожцовой.

Мы познакомились еще в началке, вместе ходили в студию балльных танцев, какие обычно бывают при школах. Ее водила бабушка: кругленькая, улыбчивая и заботливая. Мне всегда хотелось иметь такую бабушку. Она наверняка пекла пирожки, вязала, читала Кристине на ночь книжки и варила настоящие супы.

Своих же бабушек я почти не знала. Одна — Лиза — иногда приезжала из Питера к нам на дачу, в Тверь. А вторая — Елена, — мамина мама, жила в Германии и никогда меня не видела, только регулярно присылала деньги на подарки, которые я ни разу не потратила.

Чуть позже, когда я была классе в шестом, мы пересеклись с Ворожцовой на постановке общешкольного спектакля «Снежная королева» по Шварцу. Она, естественно, была Гердой, ей всегда давали такие роли, а мы с Павликом — Вороном и Вороной. И до одури

репетировали нашу общую сцену. Как сейчас помню:

«Ворон и Ворона: Все пугались, входя во дворец. Но один мальчик ни капельки не испугался.

Герда: И это был Кей?

Ворон: Да, это был он.

Ворона: Все другие молчали от страха, как рыбы, а он так разумно разговаривал с принцессой!

Герда: Еще бы! Он очень умный! Он знает сложение, вычитание, умножение, деление и даже дроби!

Ворона: А вдруг Кей не захочет с вами разговаривать?

Герда: Захочет. Я уговорю его.

Ворона: А вы не побойтесь ночью пробраться во дворец?

Герда: Нет!

Ворона: В таком случае, вперед!

Ворон: Ур-ра! Ур-ра! Верность, храбрость, дружба...

Ворона: ...разрушат все преграды. Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!»

То было время, когда все казалось простым и легким. Я тогда еще не знала, что к людям нельзя привязываться, а Кристина не одевалась, как дитя тьмы. И мы не то чтобы подружились, но нам точно было весело. А после того спектакля и не сталкивались почти. В чем же теперь она могла меня упрекнуть?

Пока я размышляла, пришло сообщение от Маркова:

«Привет. Если ты не в курсе, все хреново. Ворожцова нажралась таблеток и теперь отдыхает в коме».

Марков — настоящая язва и заучка. Но не какой-то там слабохарактерный беззащитный ботаник, а вредный наезжалистый хам. Пару раз парни собирались надавать ему по морде, но в итоге решили не связываться из-за придурочного, как и сам Марков, папаши.

Сейчас же своим сообщением он реально меня ошарашил.

«Осеева:

Неужели мы правда имеем к этому отношение?

Марков:

Слушай, Осеева, зачем тебе это нужно? Ты не знаешь, в чем проблема, я не знаю. Кристина жива, все нормально.

Осеева:

Как это НОРМАЛЬНО? Человек оставляет предсмертный ролик, в котором заявляет, что скотина Осеева испоганила ей жизнь. ЭТО КАПЕЦ, КАК НЕНОРМАЛЬНО!

Марков:

Во-первых, не ори! А во-вторых, ты должна гордиться, что она думала о тебе перед смертью».

Хотелось написать что-то оскорбительное, но связываться с Марковым было бессмысленно.

Тогда скрепя сердце я все же достала из кармана вечернего, ни разу не надеванного платья клочок клетчатой бумаги с номером Якушина и минут десять сидела над ним, гипнотизируя.

Я никогда не звонила Якушину, да и разговаривала с ним всего пару раз в жизни. И оба раза это было мучительно. Ведь он мне тогда жутко нравился. Он был в десятом, а я — в

восьмом. Всего два года назад, а казалось, прошла целая вечность. Павлик раздобыл мне тогда его телефон, он был в курсе.

Но я не стала звонить. Не потому, что несмелая, просто хотела, чтобы Якушин сам обратил на меня внимание. Но он не обратил, а неожиданно ушел в начале одиннадцатого класса из школы в медицинский колледж.

С тех пор уже много воды утекло, и сейчас у меня была действительно важная причина, за которой не скрывались никакие чувства или тайный смысл.

На одиннадцатой минуте бессмысленных терзаний я все-таки нажала на кнопку вызова, в глубине души надеясь, что номер недействителен. Но абонент оказался доступен и даже ответил после второго гудка.

— Саша, привет. Меня зовут Тоня Осеева. Мы раньше учились в одной школе. Я насчет Кристины Ворожцовой. Ты же понимаешь, да? — на одном дыхании выпалила я.

— Привет! — доброжелательно откликнулся Якушин. — Понимаю.

— Мы с Кристиной почти не общались. Правда. Она, наверное, что-то перепутала.

— Если честно, я сейчас дома, и мне не очень удобно это обсуждать.

К тому, что он не захочет со мной разговаривать, я была готова, но Якушин, немного помолчав, вдруг спросил:

— Ты сейчас что делаешь?

— Ничего. Просто.

— Ты вообще где живешь?

— Возле поликлиники.

— А я за зеленой высоткой. Давай заскочу минут через пятнадцать. А то у меня в семь брат приедет, и мама сказала обязательно быть.

Пробормотав на автомате адрес, я отключила телефон и остолбенела от того, что произошло. Я не только сама позвонила Якушину, он еще и в гости придет. А у меня даже чая ничего нет.

Я — полная дура. Потому что неожиданно разнервничалась. Начала носиться по квартире, не зная, за что хвататься, хотя дома у нас всегда идеальная чистота. Зачем-то решила помыть голову и сразу передумала, так как все равно не успела бы высушиться.

Побежала переодеваться и долго стояла перед раскрытым шкафом, не в силах сообразить, что лучше надеть.

Пришлось просто сесть и напомнить себе, что я не какая-нибудь легкомысленная идиотка, чтобы волноваться из-за парней. Эта тема вообще не для меня и не про меня.

К счастью, Якушин тоже не заморачивался сборами: пришел в домашних спортивных штанах, куртке нараспашку и кроссовках с развязанными шнурками. Просто пробежал по боковой дорожке и под окнами срезал, чуть больше пары минут.

Обычно ко мне никто не приходил. И я сама не ходила. Тем более, не знала, как вести себя с парнем. А уж если этот пареньья твоя давняя несбыточная мечта, и подавно. Но Якушин сам быстро нашелся. Сунул куртку на вешалку, скинул кроссовки. От его темно-зеленой в крупную черную клетку рубашки повеяло апельсинами и табаком.

— Куда идти?

На кухне у нас всегда чисто, как в телевизионных кулинарных передачах, потому что моя мама не готовит. По праздникам и особо торжественным случаям готовит папа, но это бывает очень редко. А Вера, наша уборщица, приходит два раза в неделю и по-любому все тщательно моет.

Якушин выбрал высокую табуретку возле окна.

— Значит, ты из нашей школы?

— Да. В десятом.

— Понятно, — он уловил мою неловкость. — А Галина Станиславовна еще работает?

— Куда же она денется?

Мы замолчали. Я была готова сквозь землю провалиться оттого, что не умею изображать милое создание и трепать языком обо всем подряд.

— Ты-то хоть знал Кристину?

— Я ее и сейчас знаю.

— Ты прав. Все так перемешалось.

— Сам никак не привыкну. Только видел человека, болтал с ним, и тут такое.

Он встряхнул головой, словно прогоняя дурной сон, и мое сердце сжалось от болезненного фантомного воспоминания.

У него было такое лицо, что смотришь, смотришь и никак не можешь ухватить, в чем секрет. Вроде ничего особо выдающегося — обычное среднестатистическое лицо, но в то же время необыкновенно открытое и обаятельное.

Мое молчание Якушин воспринял по-своему.

— Послушай, если собираешься спрашивать, из-за чего Кристина это сделала и при чем тут ты, то это бесполезно. Я сам ничего не понимаю.

— Вы с ней встречались?

Вполне логичный вопрос, но он поморщился.

— Я живу на шестом этаже, прямо под ней. Наши родители дружат лет десять и вечно нас женят.

— Ясно.

— Мы вместе отмечали Новый год. Их семья и наша. Все было хорошо, нормально. Ничего странного или необычного.

— А как вообще это получилось? Ну, как она?.. Когда?

— Вечером первого января, часов в десять. Леша, мой брат, с женой только от нас уехали. Папа пошел проводить их до метро, а я понес Ворожцовым стулья. Один оказался из Кристинкиной комнаты. Тетя Надя только зашла к ней, и тут же обратно. Глаза безумные, судорожно пытается что-то сказать, но не может. Захожу в комнату, а там Кристина лежит на полу в полной отключке. Я пытался сразу ей желудок промыть, но моя мама начала вопить, чтобы я не занимался самодеятельностью, а дождался папу. Хотя потом врачи с «неотложки», подтвердили, что я правильно все делал. А тетя Надя все это время сидела на кровати и громко рыдала.

Невидящим взглядом Якушин смотрел перед собой.

— Знаешь, все происходило очень быстро и одновременно медленно, словно вечность тянулось.

Было видно, что ему хочется сказать что-то важное, ради чего он притащился сюда в январский холод и темноту. Морщился, ковырял угол стола, вздыхал и наконец с трудом выдавил:

— Я все время думаю, что мог бы ей помочь. Мог что-то сделать. Но не сделал.

— Она делилась с тобой?

— Скорее, наоборот. Она здорово слушала, а я этим пользовался.

— Ныл, что ли?

Тут он наконец поднял на меня свои прекрасные глаза, настороженно посмотрел и вдруг расхохотался. Очень по-доброму, тепло и открыто.

— Можно и так сказать. Помню, в прошлом году я стоял у подъезда, а она возвращалась из школы. Подавленная и замороченная. Я пошутил, что у нее на лице написана вся мировая скорбь, а она серьезно так отреагировала: «Хорошо тебе, у тебя все есть. Живи себе и радуйся». Я спросил, что «все», а она «ну, друзья, близкие, люди, которые тебя понимают». И что, мол, у меня никогда не бывает плохого настроения, а значит и проблем. Тогда я сказал, что так все и задумано, потому что не хочу, чтобы другие видели, что эти проблемы есть. Ну, и пошло-поехало. Не знаю, то ли тон у нее такой был, то ли я совсем расслабился, но наболтал всякого. С того дня, как ни встретимся, она расспрашивать про все начинала и вроде не нависала особо, мне даже нравилось с ней разговаривать. Но однажды вдруг сказала, что я бедный и заслуживаю сочувствия. Представляешь? Я, конечно, разозлился и высказался, что она сильно сгущает краски, потому что у меня все хорошо. Немного резко, правда, сказал. Грубо. Ну, то есть мы не ссорились, но больше о таком не разговаривали. Может, она на то обиделась?

От волнения Якушин так тер колени, что легко мог протереть дырки на штанах. На мизинце левой руки я заметила тонкое серебряное колечко. Затем он подскочил, побежал в коридор, достал из куртки сигареты.

— Можно ведь, да?

— Кури. Твое дело.

— Думаешь, это моя вина?

— Это было бы совсем глупо. Может, безответная любовь? — попробовала я копнуть в другую сторону.

— Про это не знаю. Она не говорила.

— А дома все хорошо? Родители не обижали?

— У нее очень позитивные родители.

Я тут же подумала о своих позитивных родителях и о том, что это не повод чувствовать себя такой же позитивной.

— Тетя Надя — боец по жизни, рулит отделом в какой-то страховой компании. А отец — простой такой мужик, добряк, заведующий складом, с Кристины пылинки сдувает. Чего ни захочет — все делает.

— Судя по ее виду в школе, она ничего не хотела.

— После смерти бабушки она сильно изменилась. Родители, правда, считают, что на Кристину компьютер и сетевое общение повлияли. Что она связалась с какими-то неформалами, поэтому так странно одевается и ведет себя. Но я уверен, что она это не из Интернета вытащила, а из книжек. Она мне эти книжки философские тоже пихала, я даже пару раз брал, чтобы не обижать, но как вычитал у какого-то немца, что стремление к счастью — врожденная ошибка всех людей, сразу закрыл.

Мы опять замолчали, и повисла такая тишина, что стало слышно, как вода течет в батареях.

— Если она умрет, я всю жизнь буду мучиться, — трогательно признался Якушин, и я на какое-то мгновение захотела оказаться на месте Кристины. — Кстати, утром я встречался с Петровым.

— И что Петров?

— Расспрашивал, кто все эти люди с фотографий. Он никого не знает.

— С него станется. Он же смотрит на мир только через объектив своей камеры. Видел его видеоблоги?

Услышав про блоги Петрова, Якушин улыбнулся:

— Ерунда, но местами смешно.

— Над тем, какой он легковесный и глупый.

— Да не глупый он. Так, прикидывается. А с Кристиной никогда даже не разговаривал.

— Я уверена, причина должна быть. По какому-то же признаку она выбрала всех нас. Это может быть что угодно, хоть цвет глаз или форма носа, но связь точно должна быть.

— У тебя какие глаза? — Якушин на полном серьезе заглянул мне в лицо. — О, зеленые. У меня тоже, но у тебя намного ярче.

Про цвет своих глаз он мог мне не рассказывать.

— Это так, для примера. Хочешь чаю?

Но он тут же посмотрел на часы, моментально собрался и ушел. Я закрыла дверь и отчетливо ощутила внезапно образовавшуюся пустоту квартиры.

А на следующий день позвонила Семина и сказала, что хочет встретиться со мной в двенадцать у школы.

Мама дома уже не было, а папа неожиданно оказался свободен и, когда я встала, сидел на кухне, чистил яблоки для соковыжималки.

Папа у меня очень красивый. То, что мама красивая, воспринимается само собой, а вот красивый папа попадает не часто. Перед каждым родительским собранием Инна Григорьевна, наша классная, спрашивает меня, «придет ли папа». А он и был-то на этих собраниях всего пару раз за все время моей учебы в школе.

— Какие новости? — Он явно был настроен поболтать.

— Шутишь? Новости — то, что по телеку показывают, а у меня — однообразие и скукота. — Я налила молоко в глубокую тарелку и сунула греться в микроволновку.

— Хочешь, поедem сегодня на каток?

Предложение было неожиданным и довольно заманчивым, мы с ним никогда никуда вместе не ходили, но сначала нужно было поговорить с Семиной, и я так задумалась, что едва не переборщила с хлопьями.

— Давай, решайся. Хватит кровать пролеживать. Я уже и с Решетниковыми созвонился. Они готовы. Часа в четыре.

— Мы не одни?

— Конечно, — папа с удивлением посмотрел на меня, — компанией всегда веселее.

Так что на каток я, естественно, не поехала.

С Семиной мы встретились, как два инопланетных существа, впервые узнавших о существовании друг друга.

Она — высокая, в бело-черной анимешной меховой шапке с ушами и лапками и с длинными серебристыми прядями, закрывающими почти все лицо, кроме намалеванных дочерна глаз, и в черных тяжелых шнурованных ботинках на тощих ногах. Весь ее вид, от массивных платформ до острых ушек, выражал тотальную меланхолию и обреченность.

Я — обычная: в обычной полосатой вязаной шапке, обычной зеленой парке с капюшоном и большими карманами, в обычных синих джинсах и обычных замшевых коричневых сапогах.

Встретились и встали друг напротив друга, на расстоянии вытянутой руки. Так, что время от времени между нами проскакивали торопливые прохожие.

— Привет, — еле слышно произнесла она. — Ты как?

— Нормально.

— Везет. А я — нет.

— Почему?

— Что? — Семина посмотрела так, будто я произнесла какую-то дикость. — Из-за Кристины, конечно.

— Ты с ней дружила?

Глупый вопрос. У Семиной прямо на лбу было написано: «Держитесь от меня подальше, я странная».

— Кристина ни с кем не дружила.

— Ты-то хоть знаешь, почему попала в этот список?

Однако вместо того, чтобы нормально ответить, Семина стала ныть, что ей тоже постоянно кажется, что она лишняя в этом мире и никому не нужна. А потом вдруг решила, что мы должны ехать в больницу к Кристине и попросить у нее прощения.

— Знаешь, что? — в конце концов предложила я, чтобы прекратить ее занудство. — Нам нужно всем вместе встретиться.

— С кем встретиться? — не поняла Настя, все еще пребывая в своих страданиях.

— Всем, кого перечислила Кристина. Лишь так мы сможем что-то понять.

— Что понять? — Семина страшно тормозила.

— Мои родители постоянно куда-нибудь уезжают, так что можно собраться у меня.

Тут она неожиданно встрепенулась и словно ожила, в голубых глазах мелькнула неподдельная заинтересованность.

— Приглашаешь в гости? Я обязательно приду. У меня все каникулы свободные.

Ребят я позвала к себе шестого, когда мама с папой поехали к Решетниковым на дачу. Они не могли спокойно сидеть дома, все время летели куда-то сломя голову. А я, по их мнению, была занудой и плесенью.

Самым первым, чуть раньше назначенного срока, пришел Петров.

Он был темненький, с россыпью симпатичных шоколадных родинок на обеих щеках, кареглазый, курносый и очень улыбочивый. Каштановые волосы намеренно взъерошены, будто только что прокатился на американских горках. В этой прическе и во всем его облике — модных узких синих джинсах, яркой бирюзовой толстовке на молнии, белой футболке с надписью «It's not my problem» и маленькой блестящей сережке в левом ухе — читалось явное стремление хорошо и броско выглядеть. От него пахло кондиционером для белья и легким спортивным парфюмом.

С первой минуты Петров повел себя шумно и по-приятельски, как бы показывая, какой он простой и контактный. Но получалось слегка наигранно, с перебором, как бывает, когда кто-то очень старается скрыть свое смущение.

Прямиком зайдя в мою комнату, он стал снимать на камеру все подряд.

— Одиннадцать сорок пять, явочная квартира Осеевой. Мы собираемся тут, чтобы разгадать страшную тайну Черной Кристины и дать ответы на вечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Прошел туда-сюда по комнате, зачем-то снял мой стол, кровать, даже вид из окна, затем перевел объектив прямо на меня:

— Так, Осеева, что ты скажешь в свое оправдание?

— Мне не в чем оправдываться.

— А какой твой любимый цвет?

— Никакой.

— Тогда почему у тебя в комнате нет ничего такого цвета?

— Очень смешно.

— Я всегда подмечаю такие вещи. Для кино, между прочим, это знаешь как важно? Хороший фильм делают не только актеры и сюжет. Чтобы вызвать у зрителя эмоции, нужна правильная картинка. Гармоничная и соответствующая содержанию, а не как твои волосы.

— А что мои волосы?

— Они красные. Это цвет энергии, тепла и любви, а сама ты молчаливая и сдержанная. Получается эмоциональное противоречие. Зритель сразу скажет: «Не верю!»

— Красный — это сила и гнев, — строго сказала я, давая понять, что ко мне не следует лезть с этим.

И он тут же миролюбиво согласился.

Марков с Семиной явились ровно к двенадцати, и Петров моментально переключился на Настю, спрашивая о любимом цвете и снова разглагольствуя про «правильную картинку». Та сильно застеснялась и ответила, что не любит кино, а в аниме всегда очень яркие краски, не такие, как в реальной жизни.

Тогда к их разговору подключился Марков и заявил, что слова Петрова — чушь, потому что раньше снимали черно-белые фильмы, и там все было понятно, что хорошо, а что плохо. Теперь же — сплошная неразбериха.

В Маркове не было ничего примечательного. Обычная ботаническая внешность. Короткие черные кудрявые волосы, такие же черные цепкие глазки в узких прямоугольных очках. Щуплые, сутулые плечи, длинные тонкие локти и пальцы.

Но все же он был не совсем обычным ботаном. Во-первых, из-за вечной презрительной ухмылочки, словно каждый раз, открывая рот, ты произносишь величайшую глупость на свете, и он, Марков, избран всей мировой общественностью, чтобы сообщить тебе об этом. Во-вторых, если вдруг что-то шло не по его, острый мальчишеский подбородок упрямо задирается кверху, демонстрируя готовность к любому вызову.

Не знаю, как скоро ему удалось бы вывести из себя отшучивающегося Петрова, но прибежал Якушин, и эту тему просто закрыли.

Раньше, с длинными волосами, Якушин напоминал щенка, очень славного, веселого и доброго. А теперь, возмужав и коротко выбрив виски, он заметно посерьезнел. Однако щенячьи замашки время от времени проскальзывали, и это выглядело очень мило.

— Давайте договоримся, что будем говорить друг другу правду. Иначе ничего не получится, — я заранее решила, что с этого нужно начать.

Наша встреча представлялась мне финальной сценой-развязкой классического детектива, когда собираются все подозреваемые и я задаю им вопросы. Слово за слово, история за историей, и вдруг неожиданно обнаруживается странная нестыковка в их рассказах. Так что остается лишь вывести преступника на чистую воду. Мне искренне хотелось, чтобы им оказался Марков. Ну или Герасимов. А еще лучше — тот самый незнакомый парень. Однако проблема заключалась в том, что сейчас мы все были обвиняемыми, причем одновременно.

— Да, — воодушевленно подхватил Петров. — Давайте дадим клятву.

Якушин, рассматривавший книги на полке, ухмыльнулся:

— И распишемся кровью.

— Если в поступке Кристины есть хоть какая-то логика, только рассказывая правду, мы сможем ее установить, — неожиданно поддержал меня Марков.

— Разве в самоубийстве может быть логика? — удивился Петров.

— Если Ворожцова заморочилась записыванием ролика, значит, хотела этим что-то сказать, а не просто помереть, — сказал Марков.

— При чем тут логика? — подала голос Настя. — Когда человек делает такое, ему ужасно плохо. Только представьте, что он чувствует.

— Не нужно выдумывать лишнее. Связи там какие-то, — глядя в учебник биологии, произнес Якушин. — Может, мы и не сделали ничего ужасного, но наверняка как-то ее обидели. Кристина очень добрая, умная и немного фантазерка.

— Добрая, — невесело хмыкнул Марков, — очень сомнительно. А вот насчет фантазерки поподробнее, пожалуйста.

— Но я с ней даже ни разу не разговаривал, — беспокойно вскинулся Петров.

— Может, ты ее в школе как-то не так снял, а потом в сеть выложил? — предположила я. — С тебя станется. А она девчонка. Вдруг стыдное что.

— Фиг знает. Нужно проверить, что у меня там.

И все резко замолчали. Якушин уткнулся в учебник, Петров снова схватился за камеру, Марков задумчиво чесал в затылке, а мы с Настей просто переглядывались. Повисла неловкая пауза.

Тогда Семина предложила еще раз пересмотреть ролик, и мы дружно согласились,

потому что никаких других идей не было.

На последних минутах пришел Герасимов, помятый и недовольный, с таким выражением на лице, что сделал нам всем одолжение.

За минувшее лето он сильно вырос. И хотя его лицо ничуть не изменилось, было такое же гладкое, резко очерченное, правильное, густые светлые брови он стал хмурить еще сильнее, а в упрямом взгляде серо-голубых, будто слегка прикрытых глаз появилась еще большая тяжесть. Этаким скандинавский эпический персонаж.

Он зашел в комнату, сел на табуретку, придвинулся к столу, где стоял ноутбук, и залип, загородив собой весь экран, а когда мы стали возмущаться, неожиданно остановил ролик.

— Слушайте, а почему вы того чувака с последней фотки не позвали?

— Потому, что его никто не знает, кэп, — ответил Марков.

— Он со мной в детском саду был, — сказал Герасимов таким тоном, будто это очевидный факт.

— Его страничку в ВК я не нашла. — Настя была главным специалистом по социальным сетям.

— Даже если мы его найдем, это ничего не даст. Появится еще один недоумевающий чел, — разумно заметил Якушин.

Герасимов прокрутил вниз страницу Ютуба с роликом, и тут вдруг Семина как вскрикнет:

— Смотрите, смотрите, сколько просмотров! Да и комментариев куча появилась.

И мы, аккуратно отпихивая друг друга от экрана, стали молча читать:

«Троечники и двоечники ненавидят тех, кто хорошо учится. Я тоже хорошо учился, меня тоже дразнили одноклассники. До сих пор их каждый день проклинаяю».

«Обязательно нужно судить этих подонков! Здесь же все имена и фамилии!»

«Видимо, об издевательствах знала вся школа, и никто ничего не сделал».

«Каждый день уходит из жизни 7—10 детей. Это прискорбно, но факт!»

«А я знаю чувака на второй фотке!»

Последний комментарий заставил всех посмотреть на Петрова, который никак не мог протиснуться к компьютеру, поэтому бегал вокруг и снимал наши затылки на камеру.

— Что? — не понял он наши взгляды.

— Кажется, шутки кончились, — задумчиво резюмировал Марков.

Никто больше не вспоминал о Кристине и не выяснял причины происшедшего. Завязалось бестолковое обсуждение, отвечать на комментарии или лучше игнорировать их.

Настя с Петровым были за то, чтобы вступить в сетевую переписку и попытаться объяснить людям, что ничего плохого Кристине мы не делали.

Однако против Маркова, Герасимова и Якушина у них не было ни единого шанса. Марков заявил, что не намерен «метать бисер». Герасимов сказал, что чем меньше это трогаешь, тем меньше оно воняет. Якушин вообще посоветовал не сидеть в сети, и тогда никаких проблем не будет.

В итоге все разошлись разозленные и взбудораженные, так что я пожалела, что всех собрала.

А ночью, уже после двенадцати, мне в ВК написал некий Вертер. Довольно жуткая аватарка — темный, обмотанный окровавленными бинтами силуэт. Этаким тлетворный эпатаж.

«Привет, Тоня».

Обычно всяким левым людям я не отвечаю и сразу блокирую, потому что не фиг. Если есть что сказать, пусть сразу пишут, без этого двусмысленного «Привет».

Но этого заблокировать не успела.

Вертер:

Рад, что нашел тебя.

Осеева:

Ты кто?

Вертер:

Человек-загадка:)

Осеева:

Слушай, загадка, еще один такой ответ и пойдешь в бан.

Вертер:

Я — Костя.

Осеева:

Ты, наверное, ошибся, Костя.

Вертер:

Я нашел тебя в ВК по школе, в которой училась Кристина. Тебя, Семину, Маркова и Герасимова.

И тут меня словно током ударило:

Тот самый чел с последней фотки?

Вертер:

Лол

Осеева:

Если что, я сама ничего не знаю.

Вертер:

А я знаю. Кристина просто хотела покоя, но у нее, увы, ничего не получилось. Впрочем, ей сейчас тоже, наверное, хорошо. Ничего не видит, не слышит, не чувствует.

Осеева:

Что ты несешь?

Вертер:

Я ей завидую:)

Осеева:

Ты больной?

Вертер:

Как и все. Только я осознаю эту болезнь. Чувствую, как она развивается, растет и медленно убивает.

Осеева:

Что еще за болезнь?

Вертер:

Глупенькая, это жизнь.

Осеева:

Ты из этих суицидальных дебилов? Это ты ее накрутил?

Вертер:

У нас просто были общие интересы.

Осеева:

Тогда ты должен рассказать все, что знаешь.

Вертер:

Я ничего не должен.

Осеева:

Слушай, не зли меня! Говори по-хорошему.

Вертер:

Приходи ко мне.

Осеева:

Ты совсем неадекват? Я тебя знать не знаю.

Вертер:

А я тебя видел. Ты красивая. И у тебя зеленые глаза.

Осеева:

Иди на фиг, я тебя сейчас заблокирую.

Вертер:

Я писал в вашей школе олимпиаду по литературе. В прошлом году. Ты заявила в класс, где мы сидели, и долго шарилась по шкафам, даже на парту залезла. Я тогда сидел в самом конце и всё боялся, что ты свалишься, потому что парта сильно шаталась. А потом пришла какая-то училка и сказала тебе, что нашла учебник, который ты искала, в библиотеке. Ты меня случайно не помнишь?

Осеева:

Ничего я не помню, и вообще, откуда ты знаешь, что это была я?

Вертер:

А у тебя в профиле разве не твоя фотка?

Осеева:

Ладно, туплю. В общем, давай без этой ерунды. Просто расскажи про Кристину.

Вертер:

Говорю же, приходи. Я сейчас дома сижу. Болею. Так что на улицу никак.

Осеева:

Напиши, и дело с концом.

Вертер:

Любую переписку можно прочесть. Откуда ты знаешь, что сейчас тебя никто не читает?

Осеева:

Давай я тебе позвоню?

Вертер:

А телефоны всегда прослушиваются.

Осеева:

Тебе точно есть что рассказать?

Вертер:

Приходи, узнаешь.

Осеева:

Я подумаю.

Вертер:

Замечательно. Буду ждать твоего решения. Спокойной ночи!

После этой странной переписки я еще часа полтора не могла заснуть. У человека явно не все дома. Но он совершенно точно что-то знал — что-то, о чем мы все понятия не имели.

Утром я позвонила Герасимову и сказала, что он должен пойти со мной, так как знает этого типа в лицо. Взамен пришлось пообещать весь февраль писать за него сочинения. Он хотел еще и март выторговать, но я себе цену знаю.

Вертер жил в пятиэтажке с другой стороны от метро. Обшарпанный и вонючий подъезд с расписанными похабщиной стенами и черными кругами от горелых спичек на потолке.

Он открыл сразу, после первого звонка, будто стоял за дверью и ждал. Пустил нас и, не дожидаясь, пока разденемся, пригласил пройти.

Наверное, я слишком привыкла к комфортной и современной обстановке у себя дома, потому что комната Амелина производила впечатление дурного болезненного сна.

Линялые обои, деревянные облупившиеся рамы, скрипучий паркет с огромными щелями между планками. Ни стола, ни шкафа, только широченный комод, на котором, кое-как подпирая друг друга, высились стопки книг.

Над коротким икеевским диваном — картинки, распечатанные на принтере: простенькие цветные пейзажи рядом с черно-белыми ужасами, кажется, Брейгеля и скрин из «Кроликов» Линча.

Вдоль другой стены стояли три деревянных стула с круглыми сиденьями, точно ряд в деревенском кинотеатре.

Сам Амелин выглядел не менее странно. Довольно высокий, хотя и ниже Герасимова, бледный, с белыми крашеными прядками в нестриженной копне и без того светлых волос. В растянутом черном свитере, замотанный по самый подбородок шерстяным шарфом, он вполне мог сойти за персонажа Тима Бертона. Большие темные и настороженные глаза недоверчиво следили за тем, как мы озираемся и переглядываемся. Но потом он вдруг отмер и с застенчивой теплотой улыбнулся.

— Меня зовут Костя, — протянул нам по очереди руку, даже мне. — Не бойтесь, я не заразный. Простыл. У меня слабое горло.

Но когда взял мою руку, так долго ее держал и так откровенно меня разглядывал, что это заметил даже Герасимов:

— Ты хотел что-то рассказать.

Амелин медленно перевел взгляд на Герасимова:

— И тебя помню. У Маргариты Васильевны в группе вместе были.

— Что насчет Кристины? — настойчиво сказал Герасимов.

Амелин кивнул на стулья. Я села с краю, Герасимов посередине, а он сам, молча взяв второй крайний стул, обошел и поставил его возле меня. Словно пристраиваясь рядом.

После того бесстыдного, оценивающего взгляда подобная перестановка забеспокоила. Я развернула свой стул спинкой вперед и села на него верхом. Кругом полно озабоченных придурков, и я была рада, что додумалась взять с собой Герасимова.

Но когда Амелин положил на тот пустой стул ноутбук, получилось глупо, потому что оказалось, что я сижу к нему спиной.

— Отсвечивает, — пояснил он.

Так что «придурком» в этой ситуации оказалась я.

— Ты знал, что Кристина собирается сделать? — пока он, сидя на корточках, возился с компьютером, я тихонько вернула свой стул в прежнее положение.

— Мы все друг о друге про это знаем.

— Кто «мы»? — не понял Герасимов.

Амелин поднял голову и какое-то время смотрел на него, словно подбирая слова:

— Вот ты любишь дискотеки, дни рождения и прочие праздники?

— Терпеть не могу, — признался Герасимов.

— Ну а теперь представь, что тебя силой притащили туда, нацепили колпак, дали в руки дудку и велели всех веселить. Что ты будешь делать?

— Пошлю всех и уйду домой, — фыркнул Герасимов.

— Правильно, — кивнул Амелин. — Потому что праздник жизни — это не для всех.

— Ни хрена не понял, — Герасимов вопросительно посмотрел на меня.

— Суицидники, — пояснила я.

Он скорчил пренебрежительную гримасу.

— Рад, что у тебя все хорошо, — Амелин заулыбался смущенно-умудренной улыбкой. — Мы познакомились с Кристиной на форуме, и только потом узнали, что живем в одном районе.

— Можешь объяснить, что именно ее не устраивало? Раньше она была нормальная, — сказала я.

— Раньше все было по-другому, — улыбаться Амелин не перестал, и от этого каждое его слово звучало как издевка. — Когда маленькому ребенку больно, он истошно кричит, но его учат терпеть боль и не жаловаться. Так что повзрослев, он кричит молча, беззвучно, внутри себя, чтобы никто не услышал.

— Но всегда же есть основная причина. — Было стойкое ощущение, что он морочит нам голову.

— А если тебя спросить, почему ты любишь того, кого любишь, ты смогла бы назвать всего одну причину?

Мало того, что от каждой его фразы несло чистейшей показухой, я вообще терпеть не могу подобные разговоры. Особенно, если они касаются меня. Понятное дело, что я люблю родителей, потому что они родители. Для этого не нужна никакая причина. И с какой стати я буду обсуждать это с придурком, которого вижу первый раз в жизни?

— Я никого не люблю.

— Всего одну причину?

В какой-то момент мне показалось, что он насмехается.

— Отвали.

— Видишь, не бывает «одной» причины.

Вся эта чушь постепенно начинала меня бесить, Герасимов тоже не скрывал неприязни.

— Кончай мозги полоскать. Плевать на твои тупые философии. Я только хочу знать, какого хрена мы попали в этот ролик.

— Ну, это не ко мне, — Амелин поднялся. Джинсы у него были потертые, застиранные, совсем белесые на коленках; об их первоначальном цвете можно было судить только по ярким черным полоскам от подворотов в самом низу штанин. — Вы просили рассказать про Кристину. Я думал, вас интересует она.

— Мне интересен только я сам, — в серых глазах Герасимова застыла упрямая непоколебимость. — По мне, если бы вы всей толпой сиганули с высоты или утопились, нормальным людям дышать стало бы значительно легче.

Амелин изобразил удивление. Именно изобразил, потому что в голосе слышалась

ирония.

— Ты же, Влад, добрый. Помню, в детском саду как-то принес коробку карандашей, двадцать четыре цвета, и все подходили к тебе, прося дать карандашик, потому что детсадовские были все сточенные и погрызенные, а у тебя новенькие и блестящие. И ты давал. Каждому! Так, что потом у самого только коробка осталась. Все дети стали рисовать, а ты сидел один, смотрел на них и ни капли не обижался. Не знаю почему, но мне очень запомнился тот момент. Я тогда еще подумал, что вот это и значит быть добрым.

Герасимова прямо физически передернуло.

— А теперь я недобрый. Потому что задрало всю жизнь без карандашей оставаться.

Наконец Амелин развернул к нам ноут, и мы увидели открытую страничку. Хозяин профиля — Линор Идзанами.

Я ее знала. Не лично, конечно, но этот персонаж был у меня «в друзьях». Случайный сетевой друг, какие бывают у всех. Схожие мысли и взгляды, общее мироощущение. Единственный человек, с кем я была довольно откровенной именно потому, что мы не знакомы в реале.

В первые секунды на лице Герасимова совершенно отчетливо отобразилось узнавание, а потом он снова сделал «морду кирпичом»:

— И что?

Тут вдруг Амелин, пристально глядя на нас своими темными глубокими глазами, медленно и негромко проговорил стих. Не читал, не декламировал, а именно говорил, точно это были его собственные слова:

Лжецы! Вы были перед ней — двуликий хор теней.

И над больной ваш дух ночной шепнул: Умри скорей!

Так как же может гимн скорбеть и стройно петь о той,

Кто вашим глазом был убит и вашей клеветой,

О той, что дважды умерла, невинно-молодой... [\[1\]](#)

А когда закончил, вся пугающая, зловещая серьезность мигом исчезла, будто сорванная страшная маска, под которой обнаруживается ребенок. И прежде чем мы успели прийти в себя, поспешно произнес.

— Линор — это Кристина.

— Как? — я чуть со стула не упала.

— Вот, блин, — выругался Герасимов.

— Жизнь полна сюрпризов, — необычайно радуясь произведенному впечатлению, сказал Амелин. — И, как правило, не очень приятных.

Тут меня осенило:

— Значит, Линор есть в друзьях и у Петрова, и у Семиной, и у Маркова?

— Именно, — подтвердил Амелин.

Мы с Герасимовым какое-то время задумчиво пялились в экран. Каждый вспоминал историю своей переписки. Амелин же, облокотившись на комод с книгами, выжидающе смотрел на нас.

— А ты про себя-то хоть знаешь? Какого хрена она тебя приплела? — первым подал голос Герасимов.

Амелин лишь равнодушно пожал плечами:

— Я знаю только то, что ничего не знаю.

— Мне срочно надо домой, читать переписку с Линор за последние два года, — сказала я. — А ты, Герасимов, иди читай свою. Нужно всем сказать.

И сразу после этих моих слов раздалась громкая пронзительная трель дверного звонка. Мы вздрогнули от неожиданности, а Амелин подскочил, выбежал из комнаты и крепко закрыл за собой дверь. Из коридора послышался высокий женский голос.

— Чего у тебя там?

— У меня гости, — сказал Амелин. — Иди к себе.

— Но я хочу посмотреть. Тебе жалко?

Через полминуты он вернулся.

— Вам пора.

Уговаривать нас не пришлось. Не говоря ни слова, мы тихо выбрались в коридор, молча оделись, а когда были на пороге, дверь ближайшей комнаты приоткрылась, и в образовавшейся щели показался любопытный женский глаз. Мы быстро попрощались, на всякий случай обменялись телефонами и свалили.

— Такой козел! — сказал Герасимов, как только мы вышли из подъезда, с недоуменным осуждением качая головой. — В саду вроде нормальный был, стеснительный даже.

Я вспомнила оценивающий взгляд и вызывающую «пургу», которую Амелин нес.

— Спасибо, что пошел со мной.

Моя переписка с Линор напоминала бессюжетный роман с нескончаемыми главами и пространными отступлениями. Все, о чем мне было не с кем поговорить, обсуждалось с ней. Не часто, зато откровенно.

Да уж, знай я, с кем имею дело, не стала бы раскидываться фразами типа: «Чем становишься старше, тем непонятнее, как жить дальше», — и задавать дебильные вопросы вроде: «Почему люди так любят показуху?», «Что делать, если панически боишься темноты?», «Отчего никому нельзя доверять?»

А также выкладывать всякие школьные и домашние заморочки. И хотя Линор тоже говорила о своем, толком понять, чем она живет, я не могла.

Иногда она рассказывала какие-то истории, а порой задавала вопросы.

Линор:

Что бы ты делала, если бы нашла на улице телефон?

Осеева:

Отдала.

Линор:

Я тоже раньше так думала, но никто даже спасибо не сказал. Хозяйка просто забрала и еще смотрела так, словно его у нее из кармана вытащили.

Или

Линор:

Ты у родителей одна?

Осеева:

К сожалению. Я бы очень хотела брата или сестру.

Линор:

А если бы они тебя не любили?

Осеева:

С чего бы им не любить меня?

Линор:

Просто представь, что живете вместе, а брат тебя на дух не переносит, родителей настраивает.

Осеева:

Наверное, попыталась бы доказать, что я лучше. Сделать что-то важное, хорошее, чтобы они поняли, как на самом деле все обстоит.

Или

Линор:

Что бы ты делала, если бы тебя гнобил весь класс? Просто за то, что у тебя есть свои принципы, не такие, как у них? И тебе за это в спину кидали яйца, рвали карманы в раздевалке?

Осеева:

Я ни с кем в школе не общаюсь. Но если бы так случилось, полнейший игнор и газовый баллончик в кармане. Щит и меч. У тебя проблемы с одноклассниками?

Линор:

Моим одноклассникам нет дела ни до кого, кроме них самих.

Но за всем этим мне так и не удалось разглядеть саму Кристину. Ни одной откровенной жалобы, страданий или девчачьей лирики.

Телефон разрывался. Истерику Семиной я предчувствовала всеми частями тела.

— Тоня, пожалуйста, мне очень нужно с тобой поговорить, — хлюпала она в трубку. — Я не справлюсь, я слабая. Давай встретимся, пожалуйста!

Я пришла к ее подъезду, села на спинку лавочки и стала ждать. Пустое созерцательное бездействие. Под ногами — колотый лед и пенистая жижа от соли, чуть выше — колючая проволока занесенных кустов, а над самой головой, на фоне равнодушного молочного неба, такие же уродливые ветви деревьев и нависающий прямоугольник дома.

Настя вышла, села рядом и взяла меня за руку. На ней были длинные перчатки без пальцев, а ногти покрыты черным лаком, как у ведьмы.

— Они нас ненавидят.

— Интернет — самая большая помойка в мире.

— Но они говорят, что мы плохие и должны умереть.

— Кто эти люди? Ты ценишь их мнение?

— Я стараюсь прислушиваться ко всем.

— Все не могут быть правы.

— Но все и не могут ошибаться.

— Очень даже могут. И вообще, делай наоборот: они говорят «сдохни», а ты живи! Назло.

— Но я чувствую, что с нами что-то не так, не могу объяснить, что именно, но где-то в глубине души у меня очень тревожно.

— Пойдем, выпьем кофе, — я должна была подготовить ее к рассказу про Амелина и Линор.

В кафе мы взяли по большущей чашке кофе и сели за столиком в самом темном углу, за колонной, будто от чего-то прячась.

После третьего глотка я подумала, что, вероятно, все не так уж плохо. Может, стоило посмотреть на ситуацию под другим углом?

— Все, что с нами случилось, несправедливо и жестоко.

Настя неуверенно кивнула.

— И кто в этом виноват? Правильно. Кристина. Нет ничего проще, чем сказать, мол, я устала, все кругом плохо, все козлы, я не справляюсь с этим. Ладно, фиг, пусть не справляется, но не нужно трогать других.

Линор, Кристина в ролике и Кристина в школе — три совершенно разных человека. Может, идиот Амелин нас обманул? Такой, как он, способен. Или Якушин рассказывал о какой-то другой Кристине? Я совсем запуталась.

Настя просто сидела, слушала и хлопала накрашенными ресницами.

— Ты вообще можешь разозлиться? — Я требовательно дернула ее за рукав.

— Не уверена, — точно извиняясь, пролепетала она. — Обычно я злюсь только на саму себя.

Настя обняла ладонями чашку и горестно ссутулилась.

— Тогда больше не звони мне. Нравится себя пинать? Я в этом не участвую.

— Значит, и ты думаешь, что я немного недоделанная? — Ее пухлая нижняя губа непроизвольно выпятилась, как у ребенка.

К счастью, отвечать не пришлось, потому что в этот момент позвонил Петров. Он был

не на шутку встревожен.

— Тут какая-то хрень происходит. Статейка ни о чем, но народ ведется. Мне на стену посыпалась такая дрянь, что в пору удаляться.

Закончив разговор, я многозначительно посмотрела на Настю.

— Петрову гораздо хуже, чем тебе. Там какую-то гнусную писанину выложили.

Мы дружно полезли в телефоны. Долго искать не пришлось — пост какого-то Makarenko назывался «Дети шинигами».

«В очередной раз интернет-общественность потрясло трагическое событие — самоубийство пятнадцатилетней Кристины Ворожцовой. Перед тем как выпить смертельную дозу снотворного, Кристина выложила в сеть ролик со своим предсмертным посланием.

„Помочь никто не может. Завтра — не наступит никогда. Никто никому не нужен“, — говорит в камеру девочка, а затем просто называет имена. Имена таких же детей, как она. Прямого обвинения нет, но мы с вами — взрослые люди, которым не нужно объяснять, что это значит.

Не секрет, что взаимоотношения между подростками в последнее время стали гораздо более жестокими. Сколько раз на просторах Интернета мы встречали истории и даже документальные видеозаписи, где озверевшие от ненависти дети измываются над теми, кто от них отличается. И, похоже, такое поведение становится отличительной чертой нынешнего поколения.

Компьютеры, телефоны и прочие девайсы полностью поглотили не только их разум, но и отняли способность чувствовать, сопереживать. Эти дети потеряли ощущение настоящей жизни и настоящей смерти, они зависли где-то посередине.

Опасность сегодняшнего дня заключается именно в невозможности родителей контролировать местопребывание души своего ребенка. В какие миры она отправляется при наличии Интернета и обилии разнообразных источников впечатлений?

Новое поколение больше не читает ничего, кроме чатов и соцсетей. Оно не создает, а лишь потребляет. Оно фотографирует только себя и свою еду, его песни и стихи не про цветы, солнце и небо, а про секс, наркотики и уход из этого мира. Оно не смотрит друг другу в глаза, не держится за руки, не сострадает и не любит.

Воспитанные на чужеродной культуре, хаотично перемешавшейся в незрелых головах, эти полу-реальные, полу-виртуальные дети рьяно оправдывают любое зло и презирают добро. Их кумиры — оторванные от реальности монстры, психопаты и извращенцы.

Они больше не хотят становиться великими героями, вместо этого выбирают модных японских проводников смерти — шинигами. Что, по сути, как нельзя точно отражает существующую ситуацию. Ведь для того, чтобы совершить злодеяние, им теперь не обязательно физически контактировать друг с другом, их мир позволяет забирать жизни даже на расстоянии.

В своем последнем обращении юная Кристина Ворожцова очень точно подметила: „Вчера — не вернешь, завтра — не наступит никогда“.

При таком положении дел завтра действительно может не наступить. Но вместо того, чтобы бить в барабаны и признать, что человечество находится перед лицом мировой катастрофы, мы с вами в очередной раз лишь разведем руками и скажем: „Это же дети“».

— Как можно такое писать? Это вранье! — Настя задыхалась от возмущения. — Он понятия не имеет, кто такие шинигами. Многие из них очень добрые и помогают людям.

— А то, что он пишет, что Кристина умерла, тебя не смущает?

— Ты лучше комментарии почитай, — Настя бледнела на глазах.

«Кристина накажет этих уродов с того света».

«Какая чудесная девушка! Скорбим! А тварям с фотографий — гореть в аду во веки вечные».

«Призвать к ответу родителей, за воспитание таких подонков».

«Это не дети. Это демоны, принимающие обличие невинности. Мир стоит на пороге апокалипсиса».

— Тоня, — Семина уже почти плакала. — Мне страшно.

Она обхватила себя руками и стала раскачиваться из стороны в сторону.

— Забей, — строго сказала я, собрав все свое мужество. — Это просто Интернет. Там они всегда плюются ядом, потому что тупые, слабые и ненавидят весь свет.

— Но они же — взрослые люди и пишут такое.

— Мы так же ничего не знаем про них, как они про нас.

Но она упорно твердила, что дальше будет хуже.

И как в воду глядела. Общественная реакция на ролик росла в геометрической прогрессии. Пожар разгорался.

«Люди, если вы знаете этих ублюдков, объединяемся. Мы должны отомстить за нашу Кристину!»

«Вот оно — подрастающее поколение во всей красе. Полная бездуховность. В голове только наркотики и секс».

«Кто-нибудь знает, где они живут? Можно устроить аварию или пожар. Могу научить, как сделать так, что легко сойдет за несчастный случай».

И еще много чего непечатного, несправедливого и просто обидного.

За два-три дня истерия достигла таких масштабов, что Маркова пробило. При этом он почему-то звонил мне и считал, что высказывать свое недовольство — в порядке вещей.

А в воскресенье вечером снова зашел Якушин. Неожиданно, без предупреждения. Родители были дома. Он вежливо поздоровался, но проходить не стал. Вместо этого вытащил меня на лестничную клетку для разговора.

— Я хоть редко в социальные сети вылезаю, но и до меня докатилось. Это уже чересчур.

— А что мы можем сделать? Семина на одном форуме попыталась заявить, что это неправда, а ее там такой грязью облили, что стало еще хуже, — я села на ступеньки, он опустился рядом.

— Шинигами какие-то, мир перед лицом катастрофы, смерть Кристины, — Якушин недоуменно пожимал плечами.

— Потому что позерка твоя Кристина. — За это время во мне накопилась большущая обида на Ворожцову и особенно на Линор. Теперь я отказывалась считать ее жертвой.

— Оказывается, Ворожцова общалась с нами под черным ником. Долго общалась. Со мной почти два года.

Мне все время приходилось тупо смотреть прямо перед собой: на темное вечернее окно, серый камень лестницы, неровные шашечки половой плитки, потому что поверни я голову, и лицо Якушина оказалось бы слишком близко.

— Ты ей тоже личное рассказывал.

Он коротко кивнул.

— Специально искала темы, чтобы жалеть себя еще больше.

— Это совсем не в стиле Кристины. Она чудачка, но всегда была очень доброй.

Якушин достал сигарету, потом вспомнил, что в подъезде курить нельзя, и убрал пачку обратно. Но пока он это проделывал, я осторожно взглянула на него, заметила серьезный задумчивый взгляд, тонкий белый шрам над левой бровью, коротко выстриженный висок и быстро отвела глаза.

— Хуже всего, когда не понимаешь за что, — сказала я.

— Хуже всего, когда ничего не исправить, — ответил он.

Тут из квартиры вышла мама и по всем правилам делового этикета предложила нам чай или кофе. И мы сразу разошлись, так ни к чему и не придя.

Единственным особо не парящимся по этому поводу человеком, оказался Амелин, который с чего-то вдруг решил, что после того визита мы стали закадычными друзьями.

Он постоянно писал: «Привет. Как дела?» и «Какие новости?» А в ответ на ссылку «Дети Шинигами» присылал This is Halloween Мэнсона. Я спросила, при чем тут Мэнсон, и он стал умничать, что тексты в песнях всегда что-нибудь значат, но перевод в Интернете иногда полностью убивает настоящий смысл. А потом заявил, что выброс негатива под названием «Дети Шинигами» его посмешил, но сама метафора прикольная. Ведь тела шинигами состоят из духовных частиц и от сильного духовного давления могут даже взорваться. Что у них есть черные бабочки, которые указывают путь в мир живых через пропасть между мирами и Тетрадь смерти.

Я предупредила, чтобы не вздумал доставать меня этими темами, потому что я не Кристина и терпеть не могу жалеть себя. Он ответил, что может говорить на любые темы, но я все равно довольно жестко обозначила, что у нас нет ничего общего, разговаривать не о чем, а от слов про «праздник жизни» меня чуть не стошнило.

А потом каникулы закончились, и наступил черный понедельник.

С самого утра по дороге в школу надо мной кружили черные вороны. Кружили и орали, как потерпевшие. А в раздевалке сломалась молния на сапоге, и пока я пыталась ее расстегнуть, порвала колготки. Да еще по алгебре сразу после каникул дали самостоятельную писать.

Но хуже всего было ощущение того, что за моей спиной что-то происходит.

В столовой четверо из одиннадцатого «Б», одноклассники Петрова, так на меня смотрели, что я даже есть расхотела. А когда ждала шестого урока, один конопатый пятиклашка подошел ко мне и заговорщицким шепотом спросил:

— Это правда ты?

Я хотела отшутиться, но решила, что, если буду переводить все в шутку, они всей толпой насядут, начнут задавать вопросы и докапываться. Пришлось послать его куда подальше. Он был очень впечатлен — видимо, я оправдала его ожидания.

На английском Татьяна Евгеньевна специально подняла нас с Герасимовым, словно никогда прежде не видела, и заставила читать дебильный диалог. Вероятно, пыталась избавиться от пелены, все эти годы застилавшей ей глаза и мешавшей разглядеть в нас подонков и демонов. Иначе чего бы стоя держала? Обычно читали диалоги с места.

Уж не знаю, какой у Герасимова рост, но когда все сидели, а он стоял, реально казался великаном. Бубнил он нехотя и очень тихо, с силой выдавливая из себя каждое слово.

«Герасимов: People can't live without love, can they?

Я: I think they can't. Love makes our life rich and eventful. It also brings reason for being and beauty to our existence.

Герасимов: People have to discover more about each other then they will not be wearied of their relationship.

Я: On the one hand love is a fairy tale and on the other hand it is our real life. But in fairy tales the good always overcomes the bad. In life and love the bad often wins.

Герасимов: You are right as rain! Love doesn't belong to easy things».

Татьяна Евгеньевна, сидя за своим широким учительским столом, глядела на нас, как прокурор — с выражением осуждающего знания. Мол, что бы вы не придумывали, меня не переубедить.

— Осеева, ты поняла смысл прочитанного? — требовательно спросила она.

— Да. Там говорится, что любовь — сложная штука.

— Почему же, интересно, Герасимов, любовь, как выразилась Осеева, сложная штука?

— Потому что в реальной жизни любви не бывает, — голос у него был низкий и глухой.

— Интересно, где это сказано?

— Там сказано, что в реальной жизни зла больше, чем любви, — зачем-то влезла я, будто мне своих вопросов не хватало.

— Не совсем точная формулировка, но ход твоей мысли мне нравится, — одобрительно закивала Татьяна Евгеньевна. — Это вполне в духе нашего времени. Действительно, зла вокруг намного больше, и с каждым годом оно все глубже проникает в головы и сердца людей. Ладно. Садитесь. По тройке заработали.

— А почему три? — возмутилась я. Герасимов уже привык, что ему просто так ставят тройки за угрюмость, а у меня по английскому всегда была пятерка.

— Потому, что зла в реальной жизни больше, — ответила Татьяна Евгеньевна, и если бы она в этот момент разразилась диким хохотом, я совсем не удивилась бы.

Не было никаких сомнений, что и до нее докатилась сетевая истерия.

А после уроков ко мне подошла Семина и попросилась идти домой вместе, у нее якобы было дурное предчувствие. Я не возражала.

Мы вышли и побрели в сторону дома. И сразу за воротами школы наткнулись на группку Настиных одноклассников. Они стояли чуть поодаль, и, судя по голосам, назревал конфликт.

— Пойдем, пока они нас с тобой не заметили, — потянула Настя. — Подольский в курсе.

Но я все равно притормозила и между спинами пацанов различила мальчишеское лицо Маркова. Встревоженное и красное, как его куртка. Очки съехали на нос, кудряшки растрепались. Выглядел он жалко.

Марков явно пытался отвязаться от парней, хотя и петушился. Но все шло к тому, что у него ничего не выйдет. На моих глазах Солдатов пихнул его в плечо, а Шишов отвесил подзатыльник.

— Че, чмо. Нравится девчонок травить?

Павлик тоже был тут, без шапки и в куртке нараспашку.

Парням представилась отличная возможность отыгаться за все циничные и надменные шуточки, с помощью которых Марков общался с людьми. Было очень круто начистить ему рыло, прикрываясь идеями справедливости. Однако при всей внешней хилости в Маркове сидела такая настырная убежденность в собственной правоте, что он никогда не пошел бы на попятную, хоть закатай они его в асфальт.

— Тонечка, идем, — заныла Семина. — Иначе нам всем будет плохо.

Но не особое сочувствие к Маркову, а праведная закипающая злость не давала мне сделать вид, что я ничего не заметила. У меня так бывает — первоначальный импульс движет сознанием. А присутствие Павлика лишь послужило красной тряпкой.

— Чего докопались? — влезла я, ткнув в спину первого попавшегося парня. — Типа толпой на одного?

— Еще одна, — забухтели пацаны.

— Че те надо, Осеева? — сказал Подольский и оттолкнул меня локтем. — Иди отсюда.

— Пришла отмазывать соучастника, — хмыкнул Шишов. — Пользуется тем, что баба. А самой других унижать не жалко.

— Что ты про это знаешь, Шишов? — ответила я. — Вот и помалкивай.

— Иди отсюда, Осеева, — опять попробовал выпихнуть меня из круга Павлик.

— Только тронь еще, — я нагло шлепнула его по руке. — Чего к человеку пристали?

— Где ты тут человека увидела? — попер Солдатов. — Я лично вижу только сволочь, падаль и шлак. А ты, мелкая шинигамка, лучше не разевай свой поганый рот.

Наезд был гадский и очень оскорбительный. Прыщавый паразит с какого-то перепугу решил, что ему все дозволено. Ответных слов для него не нашлось, зато нашлась довольно увесистая сумка со сменкой.

Размахнулась, как следует, и тяжеленькие Вансы на резиновой подошве смачно впечатались в морду Солдатова. Козел тут же заорал и схватился за нос. Шишов собрался отвесить мне оплеуху, но Подольский успел поймать его руку.

— Совсем мозги потеряла, Осеева? — заорал на меня он.

— И потеряла, — спокойно ответила я, многозначительно помахивая мешком. — В

следующий раз там могут оказаться кирпичи.

— Какого черта за нее заступаешься? — попер Шишов на Павлика.

Тут, наконец, до Маркова дошло, что ему пора сваливать. Он поправил очки, распахнул своих обидчиков, подошел ко мне, взял под руку и повел за собой. Семина припустила следом.

Мы шли быстро. Не мчались, но очень хотели скорее уйти подальше от злобных взглядов, выкриков и свиста.

— Какая-то ты безбашенная, — очки Маркова от разгоряченного дыхания запотели. — Тебе не все равно, навалиют мне или нет?

— Да вообще без разницы.

— А чего полезла?

— Чтобы башкой сначала думали.

— Теперь меня по-любому отметелят.

— Ну и ладно. Так тебе и надо.

— Я тоже думаю, что не стоило вмешиваться, — подала голос Семина. — У парней свои разборки.

— Это не у парней, а у нас разборки. Неужели ты не понимаешь? Сегодня первый день в школе, а вон что происходит. Когда они поймут, что мы — каждый сам по себе и что нам накатать друг на друга, начнется настоящая травля.

— А теперь что? — не унималась Семина.

— Теперь — противостояние. Мы против них. Это совсем другое.

— Но я не хочу быть против кого-то, — захныкала Семина. — Я не умею. Я вообще не люблю, когда кто-нибудь ссорится.

— Очень разумно, Осеева, — поддержал меня Марков. — Пока все не уляжется, надо держаться вместе.

Мы разошлись по домам, а вскоре у нас появилось официальное сетевое название — Дети Шини.

Фейсбук, ЖЖ и ВК пестрели глубокомысленными рассуждениями двадцатитрехлетних менеджеров о гнусности подрастающего поколения, ностальгирующими очерками тридцатипятилетних о том, что они такими не были, и полной рефлексирующей бредятиной тех, кому за сорок, об упадке культуры, морали и нравственности.

При этом каждый, кто подхватывал данную тему и критиковал нас, был убежден в Кристининой смерти, так что сердобольные верующие тетушки в массовом порядке ставили за нее свечи и молились.

Однако все эти персонажи, рьяно обсуждавшие нас повсюду, постоянно коверкали незнакомое слово, рождая бесконечное множество вариаций типа: «шинигали», «шинигаммы», «шиншигами», «шинигимы». Из-за чего их суровые, праведные речи переставали звучать серьезно и воспринимались смешно и глупо.

Сетевой креатив мгновенно откликнулся на эту неразбериху.

На цветной картинке были изображены самодельные качели в виде перекинутой через сук толстой веревки, к одному концу которой привязано колесо, и на нем раскачивался толстый веселый мальчик, а на другом, в затянутой петле висела чахлая мертвая девочка.

И подпись — «Дети Шины», только буква «ы» зачеркнута красным маркером и исправлена на «и». За ней последовала похожая картинка: средневековое инквизиторское сожжение, где под привязанной к столбу девушкой был сложен костер из автомобильных

покрышек. Надпись та же.

Человек, идущий ко дну, а вместо камня на шее — шина. Парашютист в небе, за спиной которого — шина. Маленькая лодка на темной глади воды, тонущая под грузом шин. И все в том же духе.

Постепенно картинки стали разнообразнее, а тема шин начала отходить на второй план, уступив место коллажам из наших фото вроде школьного автобуса с надписью «осторожно, Дети Шини» и мерзких садистских демотиваторов с подписями: «Дети Шини пойдут на все, лишь бы избежать контрольной».

Особым успехом пользовалась картинка с фотографией Маркова у доски, где он будто бы доказывает теорему: «Чем больше самоубийц, тем меньше самоубийц».

Вскоре все наши страницы были закиданы приглашениями в группы хейтеров ДШ и даже в фандомы ДШ. Ведь среди проклинавших появились и те, кто нас поддерживал. Правда, последним мы сами были не важны. Они просто писали, что мы — крутые, потому что они тоже ненавидят своих одноклассников.

Следить за развитием виртуальной истерии было так же увлекательно, как за самым интригующим сериалом, но это удовольствие для обладателей стальных нервов. После очередного пожелания на стене «Чтоб ты сдохла!» я удалилась из соцсети.

Через несколько дней о нас знала вся округа.

В четверг, стоило зайти в школу, как от меня шарахнулись мелкие дети, дежурные на дверях застыли с лицами, полными ужаса, а презрительная гримаса завучихи выдала ее с потрохами.

— Осеева? — окликнула она меня на пути в раздевалку. — Ты же из десятого «А»?

— Да.

— А Герасимов?

— Тоже.

— Семина?

— Она из «Б».

— У вас сейчас какой урок?

— История.

— Как же ты могла, Осеева?

— Что могла?

— Ничего. Иди. Потом будем разбираться.

Эту последнюю фразу она произнесла таким тоном, что я поняла: «потом» наступит очень скоро. Совсем скоро, раз спросила, какой у меня урок.

Так что вместо урока истории я завернула в туалет и, дождавшись начала занятий, тихонько пробралась в раздевалку, чтобы незаметно свалить домой. «Разбираться» прямо сейчас я была не готова.

Но выйти из школы не получилось, так как напротив дверей, в пустом зале рекреации, стояли охранник, завуч, молодая училка физкультуры и громко нас обсуждали.

— Я сама видела, — сказала завуч. — В новостях, по четвертой программе.

— Я тоже, — подтвердил охранник. — Даже кусочек того видео показали, где девочка произносит обвинение. Ведущая говорила, что запись всколыхнула Интернет, и дело уже передано в полицию. Вроде бы сам Астахов его посмотрел.

— После первого же урока надо их всех собрать, — сказала завуч. — Пусть сидят и ждут полицию. Нам неприятности не нужны.

— Всех не получится, — сказала физручка. — Якушин у нас уже не учится, а еще один подонок не из нашей школы.

— Ну и прекрасно. Чем меньше нашей ответственности, тем лучше. В общем, Анна Владимировна, сейчас срочно пробегите по классам и сообщите учителям, чтобы никого с урока не отпускали. Даже в туалет. Вот засранцы, надо же так школу подставить!

— Может, родителей вызвать? — осторожно спросила Анна Владимировна.

— Когда полиция приедет, обзвоню их. Если доживу, конечно. И так сижу на валокордине. Если мы успеем вовремя их задержать, школу могут и не трясти.

— Я бы на это не рассчитывал, — сказал охранник. — Теперь точно будут расследовать.

— А девочка-то жива или нет? — робко поинтересовалась физкультурница.

— Кто ее знает, — рявкнула завуч. — Какая теперь разница?

Я сидела под грудой курток и пальто, спешно соображая, что теперь нам точно конец. Полиция, родители, расследование, обвинение, суд... Полнейшая попа. Без вариантов.

Там же, под вешалкой, написала каждому эсэмэску.

«В новостях про нас рассказали. В школе ждут полицию. Сваливайте, пока не поздно. Внизу Миша на дверях. Я в раздевалке, потом пойду через столовую».

Еще одну отправила Якушину: «Про нас рассказали в новостях».

И одну Амелину: «Болей как можно дольше, во внешнем мире полный хаос».

В ответ сразу пришла эсэмэска от Насти: «Я дома. Новости видела. Мама тоже. Ждем скорую. У нее сердце».

От Герасимова и Маркова — «Ок» и «Спасибо».

Буквально через две минуты томительного ожидания я вдруг услышала тяжелое, прерывистое дыхание где-то близко, совсем рядом, будто кто-то находился прямо за моей спиной и дышал в затылок. Оглянулась, но там никого не было, а когда повернулась обратно, из-под самого длинного пальто, прямо на меня выскочил человек в черной вязаной шапке, натянутой на лицо, как у грабителей банков.

— Попалась!

От неожиданности я едва не вскрикнула. Хорошо, быстро сообразила, что это Петров. Он даже в школе всегда ходил в джинсах, больших белых кроссовках и каких-нибудь ярких цветных кофтах.

— Я тоже хочу в столовую, — запыхавшись, сказал он, стаскивая шапку и пристраиваясь на корточках рядом.

Минут через десять Миша закрыл на ключ входную дверь и направился в сторону учительской.

Мы забрали свою одежду, переобуваться времени не было, и, прошмыгнув в стеклянный переход, помчались в столовую.

Я постучала в дверь. Тетя Оля, одна из поварих, с еще примятыми шапкой волосами и не накрашенным лицом, открыла сразу, настороженно глядя из-за двери:

— Чего вам?

— Там дядя Миша никого не выпускает из школы, а нам очень нужно. Можно через вас?

Тетя Оля заговорщицки прищурилась:

— Курить, что ли?

— Ага, — радостно закивал Петров. — Умираю, сил нет.

Она осуждающе покачала головой, сказала, что курить очень плохо и вредно, но повела нас за собой и выпустила через заднюю дверь, постоянно открытую из-за жары в кухне и

потому, что сама тетя Оля смолила как паровоз.

Мы вышли в зыбкую морозную предрассветную дымку и быстрым шагом направились прочь от школы. Меня буквально трясло, но не от холода, а от расстройства и волнения.

— Не понимаю, как можно арестовать из-за ролика? — на курносом задорном лице Петрова не было ни капли расстройства. — Я вообще до сих пор не особо верю. Все так не по-настоящему, будто шутка или розыгрыш.

— У тебя одни розыгрыши на уме.

— О, я придумал, куда мы пойдем, — и Петров радостно потащил меня за собой.

Я не сопротивлялась, мне было все равно.

Прошли мимо детского сада, зашли в единственный подъезд панельной многоэтажки и поднялись на самый последний этаж. Петров снял с решетки открытый навесной замок, и мы без труда выбрались на крышу. Там было полно снега, только в некоторых местах едва заметные протоптанные дорожки. Дул колкий пронизывающий ветер, и мои красные волосы развевались на нем, как флаг.

— Что мы тут делаем? Холод же собачий.

Сапоги я оставила в школе, и пальцы на ногах моментально заоченели.

— Скоро светать начнет.

Петров полез в рюкзак, вытащил свою неизменную камеру и тут же наставил на меня.

— Мы с Осеевой сбежали из школы и сейчас будем встречать рассвет. Осеева, привет!

Он улыбнулся и помахал рукой в ожидании ответного жеста. Такой жизнерадостный и расслабленный, что мне самой захотелось, чтобы происходящее оказалось дурным сном.

— Пойдем отсюда. Дубняк жуткий.

— погоди, иди сюда, — опять потащил он меня. На этот раз к самому краю крыши.

Ноги засыпало снегом.

Я осторожно посмотрела вниз и чуть не кувырнулась в темную ледяную пропасть.

— Смотри, вон она, та самая полоска надежды, которая разгонит могильный холод наших сердец и адский мрак наших мыслей, — с наигранной высокопарностью произнес он. — Когда солнце поднимется над городом и его теплые, ласковые лучи растопят все дурное, несправедливое и злобное, мы снова будем счастливы и свободны.

— Сколько тебе лет, Петров? Невозможно уже. Какое солнце? Все небо затянуто тучами. Через полчаса наступит обычная серость, и холодно будет ничуть не меньше. А наши проблемы никуда не денутся. Зря я с тобой поперлась.

— Ну погоди немножко, пожалуйста, — взмолился Петров. — Сейчас сниму, как рассветет, и пойдем.

Солнце вставало и, несмотря на мое сопротивление, это оказалось действительно очень красиво. Я и не думала, что в городе можно увидеть подобное. На густом темном небе сначала появилась резко очерченная красная полоска, яркая и зловещая, как огненный зрачок драконьего глаза, но постепенно, как бы раздвигая темноту и выпуская мутное сияние, она росла, становилась шире и светлее.

На какой-то момент я даже забыла про заледеневшие ноги. Все, что было внизу, подо мной, не имело никакого значения. Казалось, еще немного, и я смогла бы взлететь в зыбкие, озаряющиеся морозным утром небеса и покинуть этот отвратительный, пожирающий сам себя город.

А потом пиликнула эсэмэска от Маркова: «Ты где?»

И мы пошли с ним встречаться.

Марков, с непокрытой головой, спрятавшийся по самые очки под ворот своей блестящей ярко-красной куртки и судорожно подергиваясь от холода, ждал нас за школой, на автомобильной стоянке.

Он рассказал, что полиция все-таки приехала, но он сбежал через окно в кабинете труда, а тупой Герасимов остался. Типа, на нем нет никакой вины.

Марков был весь дерганный и на нерве. Если Петров меня хоть немного успокоил, этот вернул на землю.

— Короче, пока эта фигня не уляжется, я в школу не пойду, — решительно заявил он.

— А твои поверят, что ты ни при чем? — Петров с любопытством прищурился.

— Может, и не поверят, но какая разница? — изо рта Маркова валили клубы пара, отчего стекла очков запотели, глаз уже не было видно.

— Мои мне точно не поверят, — сгребая горсть снега с машины, задумчиво произнес Петров. — Скажут, были уверены, что рано или поздно нечто подобное произойдет. Они всегда так говорят. Типа, раз ухо проколото, значит, наркоман и голубой.

— Больше всего не хочу оправдываться, — сказала я.

— А давайте сбежим? — вдруг ни с того ни с сего предложил Петров, медленно высыпая из кулака снег и внимательно наблюдая, как он развеивается по ветру.

— Так мы уже сбежали. — Я прыгала с ноги на ногу, потому что вместо ступней у меня уже были деревянные колодки.

— Нет, по-настоящему. Далеко и надолго, — глаза Петрова азартно загорелись. — Одному стремно как-то.

— Я бы, может, и сбежал, — после задумчивого молчания произнес Марков. — Но не с такой компанией, как вы.

В том, что мои родители — деловые и занятые люди, есть свои плюсы.

Вечером мама на ходу спросила, все ли у меня хорошо в школе, потому что, когда ей звонила наша Инна Григорьевна, она не могла разговаривать, а позже голова была забита другим. Папа вспомнил, что и ему звонили, но он был на переговорах.

Пришлось сказать, что это, вероятно, насчет родительского собрания. И они оба отмахнулись, скорчив кислые мины.

Но, кажется, мне повезло больше всех.

После ужина, часов в девять, опять появился Якушин. Но я отлично понимала, что его приход не сулит ничего хорошего, поэтому особо не радовалась и лишнего себе не воображала.

Зато мама, открыв дверь, послала мне такой многозначительный взгляд, что пришлось пригласить его войти.

Выглядел он очень расстроенным: лицо красное, глаза опущены, губы плотно сжаты, что-то постоянно отвечал невпопад. Садиться не стал.

— Я уезжаю. У меня дома скандал и разборки. По-любому теперь из колледжа отчислят, и весной в армию пойду. А дома не могу, там отвратительная обстановка. Мама все время плачет и говорит «Как ты мог?», потому что тетя Надя считает, что Кристина была в меня влюблена, а я как-то не так с ней поступил. Дядя Паша прибежал к нам и орал, как полоумный, что он меня кастрирует. Мой папа наехал в ответ, что, может, я и подонок, но если дядя Паша хоть пальцем меня тронет, он кастрирует его самого. И они очень сильно поругались. Все вокруг кричат, что мы — банда Детей Шини, но мои уверены, что дело только во мне.

Якушин ходил туда-сюда по комнате и размахивал руками, он весь вспотел от нервов и смятения.

— Свалить — это круто, — искренне поддержала я. — А куда поедешь?

— В деревню рвану. У меня там машина, «Газель». Летом сосед продал. Возьму ее и подамся в какой-нибудь небольшой город, искать работу. Потому что денег у меня особо нет.

Я тут же представила, как останусь здесь одна, с вечно ноющей Семиной, легкомысленным Петровым и тормознутым Герасимовым, как меня будут таскать на допросы и, может быть, держать в сырой одиночной камере без света и вайфая. И что Якушин больше не зайдет меня навестить, а я уже начала привыкать к этим его внезапным появлениям.

— А если тебя будет искать полиция?

— Пусть ищет. Главное — не слышать всего, что говорят дома.

Он, наконец, остановился, сел на кровать и закрыл ладонями глаза. Но даже этот драматичный жест оказался не способен испортить его мужественного образа, подталкивающего к решительным действиям.

— Саш, можно с тобой? — мне казалось, что это говорю не я, а какой-то отвлеченный персонаж. — Деньги у меня есть.

Он задумался.

— Я могу делать все, только готовить не умею, — ляпнула, и тут же пожалела, потому

что мы одновременно изучающе посмотрели друг на друга, и опять повисла тягостная неловкая пауза. — Можно еще Петрова позвать. Он сегодня говорил, что хочет сбежать, но ему не с кем. Я еще тогда подумала, что это хорошая мысль.

Сначала Якушин пожал плечами, точно ему без разницы, я или Петров, но потом признал, что Петров будет полезен. Ведь за городом полно снега, и машину, возможно, придется расталкивать.

В итоге мы договорились встретиться в восемь утра на автобусной остановке.

Когда дверь за ним захлопнулась, мама вышла ко мне и, многозначительно кивая, сказала, что одобряет мой выбор. Но я ей ответила, что это не то, что она думает.

Моему звонку Петров очень обрадовался, так как мать и тетка собирались самолично отвести его завтра в полицию. Затем поинтересовался, кто еще с нами едет, а когда узнал, что никто, будто даже огорчился.

И я тут же подумала про Семину. Как ее бросить?

Настю я просто поставила перед фактом. Была уверена, Якушин не станет возражать, а она покорно согласилась, потому что мама сама ей сказала: «Если не спрячешься, они тебя съедят».

Я помылась, написала родителям записку с нелепыми объяснениями и просьбой не волноваться, собрала обычный школьный рюкзак. Взяла только одежду, паспорт, три тысячи рублей и банковскую карточку, на которую немецкая бабушка перечисляла мне деньги, когда хотела сделать подарок. Я ничего не тратила, поэтому там скопилась приличная сумма.

Это были волнительные, страшные, но больше приятные мысли. Я представляла, как года через три вернусь домой — не важно, откуда и что я там делала. Думать об этом не хотелось. Важно, что возвращаюсь взрослая и независимая. Родители в шоке, говорят: «Боже, Тоня, ты так изменилась, повзрослела». А я им: «Да, я отлично справляюсь одна». И под эти вдохновляющие фантазии почти заснула, когда телефон вдруг бешено завибрировал, чуть не свалившись с кровати.

Очередная эсэмэска от Амелина, с утра забомбившего меня ими: «Все хорошо?» и «Куда ты пропала?» Но я не ответила ни на одну, потому что не до него было.

В этой, новой, он писал: «Тоня, пожалуйста, объясни, что происходит. Я сижу один и не знаю, что делать. Умоляю, ответь хоть что-нибудь». Пришлось ответить. Сказать, чтобы больше не писал и сам думал, что ему делать, потому что мы с ребятами завтра уезжаем насовсем. Телефон под подушкой еще долго трясся, но я засыпала и читать всякую ахинею было лень.

В восемь утра в январе совсем темно и безлюдно. Я ушла из дома в эту темноту и холод с острым волнением и ноющим сердцем. А когда выходила из квартиры, никто даже не заметил, потому что мама была в ванной, а папа еще валялся в кровати. Просто крикнула «всем пока» и захлопнула дверь.

На автобусной остановке с квадратной сумкой через одно плечо и камерой через другое уже ждал Петров и, к моему огромному удивлению, Герасимов собственной персоной.

Оказывается, вчера, после моего звонка, Петров ему сразу все и выложил. Причем, когда я спросила, с какой стати, Петров, совершенно не чувствуя никакой вины, ответил, что было бы несправедливо сбежать одним. И что чем нас больше, тем веселее.

Однако вид Герасимова выражал что угодно, только не благодарность.

Он стоял ссутулившись, в своей дутой укороченной серой куртке, засунув руки в карманы, хмурясь и усиленно пряча лицо под козырек светлой бейсболки с черной надписью

Носкеу, и на все вопросы отвечал неохотным бурчанием. А потом и вовсе набросился на Петрова, чтобы тот убрал «хренову» камеру, иначе грозил разбить ее о его голову.

Зато Петров находился в приподнятом настроении.

— Нет, ребята, серьезно. Это была моя мечта.

Семина притащилась с дурацкой, чересчур громоздкой для побега сумкой на колесиках. Но я лишь подумала об этом, а Герасимов высказался, причем в весьма грубой форме, так что Настя тут же расстроилась и заявила, что никому не навязывалась.

И пока шли эти разборки, сзади незаметно подошел Якушин. Скинул на снег спортивную сумку и озадаченно смотрел на нас. На нем была длинная куртка хаки, чем-то напоминающая мою собственную, широкие штаны с кучей боковых накладных карманов, которые вроде называются карго, и высокие непромокаемые сапоги.

Он стоял, смотрел и наверняка думал, что я болтливая дура.

— Саш, прости. Настю никак нельзя было оставлять, — попыталась я оправдаться.

— Круто! — фыркнул он. — Я что, теперь вожатый?

— Мы ненадолго, — беспечно махнул рукой Петров. — Пока решаем, что делать дальше.

А вместе веселее.

— Обхохочешься, — процедил сквозь зубы Якушин, но, видимо, смирился, потому что замолчал.

Когда уже собрались уходить, Петров вдруг настороженно остановился и, пристально глядя в сторону автобусной остановки, тихо сказал:

— Чего тот чувак уставился?

Мы все превратились в тихих параноиков, допускающих, что наши лица могут быть опознаны даже в реале.

Но потом «чувак» смущенно сказал «привет» и подошел. Это был Амелин. В тонком черном пальто с глубоким капюшоном и короткими рукавами, из которого он явно вырос, и с полупустым рюкзаком на плече.

— Это Костя, — нехотя пояснила я, — тот самый. Седьмой.

И тут же возникло всеобщее растерянное замешательство, потому что мы уже немного привыкли друг к другу, а Амелин был явно не наш, больной и странный. Честно сказать, я не предполагала, что еще когда-нибудь его увижу.

— Как ты узнал?

Мне казалось, кроме меня с ним никто не общался.

— Ты мне сама сказала, — внаглую соврал он.

— Неправда, — разозлилась я. — Зачем ты обманываешь?

Но он не ответил, только пожал плечами и снова заулыбался, будто я сказала что-то приятное.

— Саш, я, честно, не говорила.

— Теперь уже плевать, — Якушин развернулся ко мне спиной. — Короче, сейчас на вокзал едем. На электричке километров сто, там еще пешочком, к обеду доберемся. Жратву надо будет купить. Кто-нибудь умеет готовить?

— Я умею, — Настя подняла руку, как в школе.

Герасимов что-то одобрительно промычал, и мы дворами двинулись к метро.

Но только дошли до конца длинного белого дома, как услышали позади яростный топот чьих-то ног. И будто оклик.

Обернулись. Если вдоль проезжей части горели фонари, во дворе еще царила кромешная тьма, и разглядеть кого-либо было нереально. Мерзкие чавкающие звуки настойчиво приближались.

Мы переглянулись, но с места не двинулись. Все, затаившись, молчали. В свете лампочки у подъезда было видно, что преследователь тоже сбавил темп.

Дружно развернулись, чтобы дать достойный отпор, и тут я внезапно поняла, что это Марков.

— Ты что тут делаешь? — опередила меня Семина.

Марков вышел на свет.

— Тоже с нами? — Якушин метнул в мою сторону очередной недобрый взгляд.

— А есть варианты? — у Маркова был такой вид, словно это он все организовал, а мы решили ехать без него.

От такого нахальства Якушина заметно передернуло:

— И что, даже группы поддержки не будет?

Тогда Петров дружески обхватил Якушина за плечо и, заискивающе глядя в глаза, подобострастно сказал:

— Мы будем во всем тебя слушаться. Обещаю. Что прикажешь — все сделаем. Я Маркову сказал просто так, чтобы завидовал. Думал, не пойдет. С такой-то компанией.

Но Марков ни на кого не обращал внимания:

— Так, короче. Мы должны немедленно избавиться от телефонов.

— Как избавиться? — ахнула Семина.

— Взять и выбросить. По ним легко проследить наше местонахождение.

— Зачем выкидывать телефон? — удивился Петров. — Можно просто заменить симки.

— Если понадобится, они трубку и без симки найдут, — неожиданно подал голос Амелин, — у каждого телефона есть *IMEI* код, по которому его можно отследить везде, даже в выключенном состоянии. Это маловероятно, конечно, но возможно.

— Лично я никуда не сбегаяю, — сказал Якушин. — Я уезжаю.

— Если ты свой телефон оставишь, найдут всех, — довольно равнодушно заметил Амелин.

Марков продолжал размышлять вслух:

— Теоретически, их можно продать. Только где сейчас найти перекупщика?

— На вокзале полно, — подсказал Якушин.

— Ой, ребят, не нужно это, — забеспокоилась Настя. — Там кругом жулики, нас точно обманут.

Но Марков не унимался:

— Ну, тут либо выкинуть, либо продать хоть за сколько и на эти деньги купить новые телефоны.

— Давай, мы продадим один твой Айфон и на полученные деньги купим всем по новому телефону, — предложил Герасимов.

— А старый ты сбегашь и домой отнесешь, чтобы не потерялся? — издевательским тоном парировал Марков.

Но Герасимов стоял на своем:

— Если бы я знал, что телефон помешает, не взял бы его. А выкидывать жалко.

— И мне жалко, — поддержала Семина.

— Тогда вы никуда не едете, — заключил Марков и потянул нас с Якушиным под локти

за собой.

— Подожди, — Якушин отдернул руку. — Все правильно. Продадим один телефон, а остальные оставим в камере хранения.

— Вот это мысль, — обрадовался Герасимов. — Тебе, Марков, хорошо, тебе родители новый купят, а этот у меня с седьмого класса, и он мне дорог.

— Может, мне никогда ничего не купят за то, что я сейчас делаю.

Герасимов на секунду выглянул из-под бейсболки:

— Ой, сейчас заплачусь.

— Ты, главное, не расплачься, когда будешь расставаться со своим телефоном, — огрызнулся Марков.

Через час мы оказались на Рижском вокзале. На улице едва начало светать, от этого, а также от нервного возбуждения и пьянящего тумана в голове все кругом выглядело зыбким и призрачным. Выдуманным и ненастоящим, словно наспех нарисованные декорации.

Как ни странно, телефон Маркова действительно удалось благополучно продать. И этот наш необычный поступок, и особенно то, что ничего плохого из него не вышло, только добавил происходящему нереальности.

Петров просто подошел к одному из темных привокзальных людей в натянутой на глаза шапке, негромким осторожным голосом предлагавшему прохожим купить телефон «недорого», и показал Айфон Маркова.

Мы стояли чуть поодаль, и все это время у меня было чувство, что этот человек сейчас схватит телефон и убежит, но он только покрутил его в руках и спросил, сколько мы хотим. Петров объяснил, что хочет семь других, самых простых трубок. Еще добавил, что это очень выгодная сделка, ведь Айфон совсем новый, и его владелец собственноручно отключит функцию «Найти iPhone».

Пока торговец краденными телефонами ходил советоваться с «коллегами», вернулся Якушин, относивший в камеру хранения наши старые телефоны. Только он ничего не сдал, потому что стоимость ручной клади в сутки составляла около трехсот рублей, а срок хранения не мог превышать тридцать дней. Тогда Герасимов предложил отправить их по почте. И мы, запечатав свои трубки в толстые конверты, сдали их в ближайшем почтовом отделении.

Когда вернулись, получили на руки пакет со страшными бэушными мобильниками, и, даже не успев их разобрать, сломя голову, бросились на электричку, с минуты на минуту уходящую в нужном направлении.

В поезде было тепло, относительно чисто и довольно многолюдно. Семина хотела сидеть со мной, но я как представила, что она будет всю дорогу жаловаться и страдать, быстренько усадила рядом с ней Маркова, а сама побежала за Амелиным и Герасимовым искать другое место. Якушин и Петров застряли где-то еще в самом начале.

Но свободных мест не было, а позади набилась целая толпа. И все бы ничего, если бы я могла нормально держаться за поручни, но доставшийся в наследство по маминой линии маленький рост позволял это делать, лишь стоя на цыпочках. Поэтому, когда я пыталась цепляться за поручень, получалось очень смешно, и Герасимов, возвышавшийся слева от меня, будто скала, с каменным выражением лица заметил, что один мальчик, мечтая стать повыше, висел на турнике каждый день по три часа. Выше он не стал, зато через полгода мог почесать коленки, не нагибаясь. И что ему, Герасимову, интересно будет посмотреть на меня, когда мы доберемся до места.

На подколки про рост я давно не реагировала, но узнать, что Герасимов иногда пытается шутить, было забавно, о чем я ему тут же сообщила.

Тогда Амелин услужливо подставил мне свой локоть, но я предпочла нелепо болтаться целую остановку, потому что если я маленькая, это не значит, что беспомощная. Однако от предложенного наушника не отказалась и, хотя музыкальная подборка не отличалась позитивом, это было лучше, чем слушать невнятное человеческое многоголосие.

Стоило нам перестать суетиться и куда-то бежать, в голове вспыхнула красная

предупреждающая лампочка: не делаю ли я ошибку? Не поступаю ли глупо и несправедливо по отношению к родителям?

В конце концов, я даже не знаю, как они отреагировали бы на эту историю с Кристиной, расскажи я им сама.

— Любишь Пласов? — расслабленный голос Амелина вывел из раздумий.

Я прислушалась. Брайан Молко трагично стонал «Protect me from what I want» [\[2\]](#).

— Нет, — сказала я из вредности. — Занудная слезодавилка для мазохистов и любящих всплакнуть девчонок.

На самом деле, было время, когда я их слушала. Я еще много чего слушала, и мне много чего нравилось, но музыка — вещь очень личная, и рассказывать всем подряд о своих вкусовых предпочтениях — это почти как позволить залезть к тебе в голову, а то и глубже.

— А ты, типа, не плачешь?

Он иронично улыбнулся и наклонился ближе, чтобы лучше расслышать ответ, отчего выюющаяся мелированная челка закрыла пол-лица.

— Не плачу, — ответила я твердо. — Слезы — признак распушенности и слабости.

Это было почти правдой, но злило то, что он и с этим полез. Будто людям своих проблем не хватает.

— Так легко со всем справляешься?

За волосами глаз почти не было видно, а по то ли насмешливой, то ли печальной улыбочке понять, к чему он клонит, не получалось.

— Я слушаю «Лабутены», «мертвые Найки», и мне на все плевать.

— Ладно.

Он выпрямился, отвернулся, посмотрел на Герасимова, в окно, достал из кармана плеер, покрутил в руках, снова положил обратно. Потом все же не выдержал:

— Никогда не поверю, что девушка ни разу не плакала под музыку.

— Конечно, плакала. Когда мне было шесть, и я слушала МакСим.

— Максим? — на этот раз его губы медленно расползлись в обычной веселой улыбке. — Там есть над чем плакать?

— Конечно, — не моргнув глазом, заявила я. Ты когда-нибудь слышал «Ветром стать» [\[3\]](#)?

Он пожал плечами, и я охотно процитировала песенку, связанную, между прочим, с приятными детскими воспоминаниями. Тогда папа возил меня в детский сад на машине, а песню крутили по радио почти в одно и то же время. Я обязательно дожидалась этой песни и только потом вылезала из машины. Когда ее вдруг перестали крутить, папа специально купил мне диск, «для сада».

— Чем не Placebo?

— В твоём плейлисте нет ни МакСим, ни «Лабутенов».

— Ты копался в моём плейлисте?

— Музыка — лучший способ понять человека.

Именно то, чего я боялась. Жалкие и нелепые попытки чужих людей «понять».

— И что же ты там нашёл?

— Ну, кроме прочего, «Аве Мария» Каччини и «Нюркину песню».

— Это что-то значит?

— Что ты умная и грустная.

Я хотела возмутиться, что нечего на меня навешивать свои унижительные ярлыки, я не

какая-нибудь эмо-герл, но приближающийся к станции поезд неожиданно затормозил, и мы вместе с подпирающей толпой резко дернулись назад, а затем беспомощно улетели вперед, прямо на Герасимова.

К счастью, на станции вышло полно народу и освободилось много мест. Причем Герасимов сразу занял крайнее место и натянул на глаза бейсболку, но перед тем как он, скрестив руки на животе, погрузился в сон, я успела заметить у него под глазом лиловый синяк. Видимо, это его он так усиленно прятал.

А мы с Амелиным сели напротив и под Gate 21 ^[4] тоже мгновенно вырубились, даже не пытаясь возобновить разговор.

Проснувшись я от громких голосов, открыла глаза и увидела странную картину.

Герасимов переместился к окну, а на месте пожилой пары широко расселась маленькая кругленькая старушка, закутанная в черный платок. Ее платье тоже было черным, а поверх этого скромного простого наряда красовалась ярко-розовая шуба из длинного искусственного меха, изрядно поношенная, но по-прежнему ослепительно вульгарная.

Старушка сидела так глубоко на сиденье, что ее короткие ноги в валенках не доставали до пола и забавно болтались в воздухе, как у ребенка. Выцветшие глаза рассеянно бегали из стороны в сторону, а густо напозаженные пурпурные губы очень подвижно реагировали на каждую эмоцию.

Женщина громко и непрерывно разговаривала сама с собой, и Герасимов, тоже проснувшись, косо и обеспокоенно поглядывал на нее. Вдруг в один момент, перехватив его взгляд, она резко развернулась и очень ясно, будто даже разумно, уставилась в ответ.

Он быстро отвернулся, но та протянула тощую руку и принялась трясти его за рукав.

— Кони тянут в разные стороны!

Герасимов послал мне такой страдальческий взгляд, что я едва удержалась от смеха.

— Мне ничего не надо, я только желаю добра. Ветер уже поднялся.

В подтверждение своих слов она часто и убедительно закивала, а потом внезапно посмотрела на меня, и я, желая ускользнуть от ее взгляда, невольно сползла вниз по сиденью. Но это не помогло.

— Твой же выход — дышать глубоко, — белесые глаза выражали участие и заботу. — И не потерять свое сердце, поедая чужие. Опоздаешь — будет раскаяние.

Вдруг я почувствовала легкое пожатие на своем локте. Это Амелин, дремавший на моем плече, подал сигнал, что тоже проснулся. Потер ладонями лицо, пытаясь отойти от сна, а когда убрал руки, старушка вскинулась, словно потревоженная птица, и переключилась на него. Однако говорить ничего не стала, лишь протяжно и нечленораздельно замычала, точно у нее не было языка.

Амелин аж подскочил на лавке, а потом что было силы вжался в нее, натянул на лицо капюшон, схватил меня под руку и торопливо зашептал:

— Спрячь меня, пожалуйста!

Но как раз в этот момент в вагон вошел немолодой лысоватый мужчина в голубом жилете контролера и крест-накрест опоясанный ремнями. С одного бока — электронный кассовый аппарат, с другого — сумочка для сбора денег.

Контролер шел по проходу и проверял билеты, а поравнявшись с нами, мельком взглянул на наши билетки и сразу переключился на старушку:

— Опять ты? Поезжай на Курский, живи там. Через две минуты станция. Ссажу тебя.

Но старушка и бровью не повела: как сидела с лицом, выражающим оскорбленное

достоинство, так и осталась сидеть. Контролер схватил ее за розовый меховой локоть и рывком сдернул с сиденья.

И тут она заголосила. Громко, испуганно и жалобно. О том, что сын наказал ей ни в коем случае домой не возвращаться, а ездить по всей стране и «нести правду в народ».

— Сто раз слышал, — проворчал контролер, с усилием вытягивая ее в проход.

Мы смотрели на эту комичную и одновременно неприятную сцену с разинутыми ртами и широко распахнутыми глазами. Вдруг Герасимов встал и тихим, конспиративным голосом спросил кондуктора:

— Почем билет?

— А тебе куда?

— До конца.

— Триста сорок рублей.

Герасимов сосредоточенно поковырялся в кармане и отсчитал ему деньги.

— Пусть едет, — он кивнул на притихшую и вполне осознанно наблюдавшую за его манипуляциями старушку, затем вернулся на свое место, снова надвинул бейсболку на глаза, скрестил на животе руки и отгородился от всех.

Контролер недоуменно пожал плечами и вручил сумасшедшей ее билетик. Еще раз бросил настороженный взгляд на Герасимова, точно заподозрив и его в сумасшествии, и двинулся дальше по проходу.

Старушка тоже пребывала в замешательстве. Потом мелкими шажками подошла к Герасимову, приподняла бейсболку и неожиданно поцеловала в лоб.

— Береги себя! — сказала она и горделиво отправилась вслед за контролером.

Герасимов глупо заморгал, а затем со вздохом облегчения отвалился на сиденье. Прямо посреди лба у него красовался ярко-пурпурный отпечаток губной помады, и мы с Амелиным, не удержавшись, одновременно зашлись в диком истерическом хохоте.

За городом оказалось гораздо холоднее, чем в городе. Небо окончательно затянуло бледно-серыми тучами, поднялся порывистый ветер, и когда гроыхающий поезд, мерно покачиваясь, умчался в мутную даль, оказалось, что на перроне, кроме нас, нет ни одного человека.

По другую сторону железнодорожных путей простиралось снежное поле: сумрачно-белая бесконечная простыня, сливающаяся с пасмурным тоскливым небом в невнятное единое ничто, без верха и низа.

Местный магазинчик напоминал разбитую и выброшенную на пустынный берег лодку. Обрадованный нашим появлением продавец, то ли киргиз, то ли узбек, тут же начал предлагать изюм и орехи, но мы сами не знали, что нам нужно, поэтому опять начались разногласия и препирания. Спорили минут десять, пока все парни, кроме Якушина, не вышли на улицу.

В итоге взяли два килограмма странной мягкой картошки, три батона белого хлеба, колбасу, две замороженные курицы, три пачки пельменей, макароны, сыр, пакет гречки, рис, консервные банки с лососем и тушенкой, сосиски, чай, семь сникерсов, три двухлитровые колы, молоко, кофе, арахис, чипсы, сухарики и бутылку коньяка.

Причем из-за последнего у Семиной с Якушиным разгорелась нешуточная ссора.

Настя сказала, что если они будут пить алкоголь, она никуда не пойдет. На что Якушин сначала отшучивался, мол, на ее долю тоже хватит. Но она уперлась как баран и неожиданно раскричалась на весь магазин, угрожая продавцу полицией, если он продаст нам что-нибудь хоть на градус крепче колы.

То, что Семина умеет так верещать, оказалось сюрпризом. В итоге, несмотря на паспорт, коньяк Якушину не продали, и он, обозвав Семину малолеткой и дурой, потребовал, чтобы она ехала обратно в Москву.

А когда вышли на улицу, все парни, кроме Амелина, который просто молчал, тоже стали ругаться и довели ее до слез. Но из-за холода все довольно быстро успокоились и двинулись в деревню через густой и мрачный хвойный лес.

В лесу было безветренно и пронзительно тихо, лишь где-то в глубине страшно поскрипывали замерзшие деревья. И, если бы не жизнерадостная болтовня Петрова, умудрявшегося одной рукой нести пакеты с продуктами, а другой снимать все вокруг, было бы, пожалуй, жутковато.

Но он, воодушевленный дикой природой, бегал, как счастливый пес на прогулке, и то обгонял всех, увидев на ветке птицу, то заглядывал под елки и собирал шишки, то сходил с тропинки и лез по снегу, чтобы художественно запечатлеть уродливо искривленные стволы деревьев.

Семина, вся заплаканная, с черными потеками под глазами, кое-как волоча свою сумку, обиженно плелась последней и выглядела убийственно несчастной.

Вскоре с неба посыпался мелкий колючий снег, и мы все стали не менее несчастными.

Особенно Амелин, который в своем легком коротком пальто и кедах дрожал как осенний лист. Однако, когда я бросала на него вопросительные взгляды, растягивал посиневшие губы в извиняющейся улыбке и кивал, дескать, «все хорошо». Но было ясно, что нехорошо. В один момент пришлось даже взять его за руку и потащить за собой.

Сначала он вроде обрадовался и сказал «спасибо», но потом принялся ерничать, что его никто никогда так не водил, и я решила больше никому не помогать.

Кое-как мы вышли к другому бесконечному полю.

Летом, по словам Якушина, через него до деревни вела тропинка, а сейчас все было покрыто толщей снега. Другой вариант — идти в обход, вдоль леса, по дороге, накатанной машинами, но этот путь мог занять не меньше часа.

И тут снова началось:

— Я через поле не попрусь, — категорично заявил Герасимов. — Мы там все поляжем.

— Ничего не поляжем, — заартачился Марков. — Просто сделать последний рывок.

Герасимов развернулся и медленно двинулся по дороге.

— Может, правда по полю? — я оглядела тяжелые сумки с продуктами.

— Я не смогу по полю, — сказала Настя. — У меня сумка такая.

— Эй, Осеева, идем со мной, — вдруг предложил Марков, протирая очки мокрым от снега носовым платком. — Мы их в два счета сделаем.

Его черные кудряшки колечками налипли на лоб, нежные щеки разрумянились, а без очков лицо выглядело неожиданно миловидным и юным. В этот момент от Маркова воодушевляюще веяло ребяческим оживлением и горячей решимостью.

— А давайте на спор, — обрадованно подключился Петров. — Марков с Осеевой пойдут через поле, а мы здесь. Кто раньше придет, тому приз.

— Что за приз? — поинтересовалась Настя.

— Твой поцелуй, — тут же нашелся Петров.

— Еще чего, — фыркнула Семина, но смутилась.

— Дурак, — пожурил его Марков. — Она с тобой в одной команде.

— Это неважно, — ответил Петров. — Если вы выиграете, Семина как представитель нашей команды вас целует, а если мы — ваш представитель. Понятное дело, что не ты, Марков.

— У меня другое предложение, Петров, — сказала я. — Те, кто выиграет, надают хороших пинков тем, кто проиграет.

— Я в ваши тупые игры не играю, — зло крикнул уже отошедший на некоторое расстояние, но все слышавший Герасимов.

И мы действительно разделились. Якушин, Герасимов, Петров и Семина пошли по дороге, а мы с Марковым поперлись напрямик через поле, как дебилы, которые не ищут легких путей. Потому что Амелин пошел с нами просто «за компанию».

Ветер в поле оказался дичайший. С меня сдувало и капюшон, и шапку, глаза слезились, руки мгновенно заledenели.

Пакеты приходилось волочить по снегу, но это оказалось не так легко, как мне представлялось. Сугробы были выше пояса, а снег забился не только в обувь, но и в рукава, и в карманы, и даже за шиворот.

Минут через пятнадцать тяжелых физических мучений я отчетливо поняла, что мы с Марковым — тупые и упрямые бараны, которые ради самоутверждения готовы биться лбом о стену.

А потом просто легла. Потому что у меня болело все, и сил — ни моральных, ни физических — не осталось. Голова гудела и полыхала жаром, в висках стучало сердце.

Здесь было еще тише, чем в лесу, и казалось, эта тишина вот-вот выдавит барабанные перепонки. Было даже слышно, как где-то звенят высоковольтные провода, как прошла

очередная электричка, как тяжело дышит ушедший довольно далеко вперед Марков.

— Ты чего? — Амелин, едва держась на ногах, принялся меня тормозить.

— Нужно отдохнуть.

— Отдохнешь потом.

— Отстань, пожалуйста.

— Нет уж, давай вставай. Женщинам нельзя на снегу валяться.

Он кое-как выпрямился, собираясь меня поднять, но я предупредительно согнула ногу в колене, намекая, что если вздумает это сделать, я буду лягаться.

— Много ты знаешь. Сказала, отстань.

— Знаю, что ты можешь замерзнуть и заболеть.

— Заболеть? Вы с Семиной такие нежные создания: ах, можно заболеть, ах, можно умереть. Ладно, она хоть девчонка, а ты?

— А я не ввязываюсь в то, с чем не в силах справиться.

Эти слова прозвучали с таким неожиданным ехидством, что я, стиснув зубы, вскочила, отряхнулась и, пихнув его со злости в сугроб, поплелась догонять Маркова.

К деревне мы выбрались с малиновыми лицами, в куртках нараспашку и насквозь мокрые. Вышли и дружно повалились в снег у дороги.

К тому времени окончательно стемнело, и лишь где-то в глубине деревни, точно белая луна, горел одинокий фонарь.

Победа была за нами, но оказалось, что толку в ней никакого, потому что, куда идти дальше, никто не знал. И, если бы ребята не появились, через полчаса мы наверняка превратились бы в настоящие сосульки.

В первый момент Марков хотел высказаться, но когда стало ясно, что Герасимов и Петров еле идут, согнувшись под грудой сумок, а Якушин несет Семину на руках, желание возмущаться пропало.

Казалось, что главное — дойти до дома, а там все станет хорошо. Но выяснилось, что внутри было ненамного теплее, чем на улице. И пока Якушин минут двадцать возился, растапливая печку сырыми дровами, мы дружно тряслись от холода.

В большой комнате с печью стояли два потертых дивана, возле окна — круглый стол с чересчур белой для местной обстановки скатертью, в углу, на тумбочке с кривыми ножками, малюсенький телевизор.

В дальнем углу — широкая железная кровать, заваленная горой одеял и подушек. Семину кое-как водрузили на один из диванов и накрыли одеялом.

— Нам всем срочно нужен чай или кофе, — сказала я Якушину, который, сидя на корточках, подбрасывал полешки в уже ревущую оранжево-красную топку. — Где взять воду?

Тут он странно уставился на меня своими красивыми серо-зелеными глазами. Молча и пристально, будто хочет сказать нечто важное. Затем негромко, но ясно произнес:

— Блин.

— Что?

— Мы не взяли воду.

— На фиг я с вами связался? — Марков с раздражением перерывал свои вываленные на диван вещи. — Можно было догадаться, что все будет совершенно не организовано.

— На фиг вы ко мне прицепились? — вспыхнул в ответ Якушин, поднимаясь. — Не нравится — выметайся. И вообще, если кому-то холодно, жарко, душно, неудобно, или если у

кого-то есть несовместимые с моей жизнью требования, может катиться на все четыре стороны.

— Слушай, Марков. — Герасимов, переодетый в джинсы и черную толстовку с красным логотипом «Рамштайна» на груди, намертво прилип спиной к печке и грелся. — Ты все не так понял. Ты — сам по себе, Саша — сам по себе, я — сам по себе, и все мы — сами по себе.

— Ничего подобного, — запротестовал Марков. — Пока мы — Дети Шини, мы не сами по себе. Правильно я говорю, Осеева?

— С Детями Шини — это к Петрову, — тут же пресекла я.

Петров долго и тщательно вытирал пестрым кухонным полотенцем сумочку от камеры, но когда услышал свою фамилию, отвлекся, и его веселые глаза вопросительно замерли.

— А что такого? Нормальная игра. Ничем не хуже других. Я даже кино собираюсь снять «Одинокое странствие Детей Шини», или «Дети Шини: побег», или «Дети Шини на краю Вселенной». Там будет про всякие наши приключения.

— Какие еще приключения? — глядя исподлобья, переспросил Герасимов.

— Которые будут, — ответил Петров, точно это было само собой разумеющимся.

— Не нужны нам никакие приключения, — сказал Марков.

— Вы не понимаете! — пожалуй, чересчур пылко отреагировал Петров, обеими пятернями приводя примятые волосы в состояние привычного художественного беспорядка. — Никому будет не интересно смотреть кино про то, как вы на печке носки сушите, в носу ковыряете или болтаете всякую дребедень. В кино обязательно должно происходить что-нибудь интересное. Это вам не книжки читать, где можно какой-нибудь дуб на трех страницах описывать и еще на четырех отношение героя к этому дубу, и где, самое удивительное, это прокатывает. В кино все иначе.

Якушин громко и осуждающе вздохнул, потер стриженные виски, будто у него внезапно началась головная боль, и полез вытаскивать разную утварь из деревянного шкафчика рядом с раковиной. Вскоре он отыскал чайник, затем пошел на улицу и доверху набив его снегом, вскипятит воду.

Мы еще какое-то время были вынуждены слушать о творческих планах Петрова, который так возбудился разговором, что стало ясно: раньше он ни с кем так долго на эту тему не говорил.

Все, кроме Амелина, переоделись в сухие вещи, а мокрые развесили сушиться по комнате. Он же, не раздеваясь, сидел в наушниках, прислонившись к стене. И когда никто не смотрел, взгляд его больших темных глаз становился отрешенным и пустым, как бездонный колодец. Но стоило кому-то повернуться, как он тут же натягивал отрепетированную детскую улыбку.

Пришлось заставить его снять хотя бы кеды, потому что они были насквозь заледеневшие. Взамен Якушин выдал ему старые, разбитые и очень смешные круглоносые ботинки, наверное, еще дедушкины.

Потом мы с Петровым кое-как настругали бутерброды с колбасой и сыром и даже попробовали пожарить в печке сосиски, насадив их на вилки. Но они тут же благополучно сгорели и сухими угольками попадали в топку. Зато, благодаря этому, воздух наполнился ароматом жареного мяса, и на душе стало значительно теплее.

Петров включил телевизор. Целый час мы ждали, что скажут что-нибудь про нас, но ничего не сказали. Петров заметно расстроился, потому что очень хотел увидеть себя по

телеку.

В жизни не думала, что доведется спать на настоящей печке, белой и большой, как в сказках. За пестрой шторкой обнаружился замечательный теплый угол с большой перьевой подушкой и двумя ватными одеялами.

Сняла узкие джинсы и с невероятным блаженством устроилась на лежанке. За окнами протяжно завывала метель, и от ее внезапных порывов стекла слегка подрагивали. Но в комнате было спокойно, светло и уютно, вкусно пахло дымом и нашими горелыми сосисками. Те, кто еще не спал, говорили тихо, вполголоса. Их разговор не мешал, а наоборот убаюкивал. Это были совершенно новые, непередаваемые и очень приятные ощущения.

Я проснулась оттого, что кто-то настойчиво тряс меня за ногу, и сначала вообще не поняла, где нахожусь. Словно в гробу проснулась. Темно и тесно.

Подняла голову и посмотрела в просвет отдернутой шторки. Было ясно, что там кто-то стоит, но кто именно, не разобрать.

— Что? — шепотом спросила я.

— Иди сюда, — сказал кто-то.

Кое-как развернувшись, я высунула голову наружу и тут же нос к носу столкнулась с Амелиным. Круглые черные глаза в отблесках затухающего в печке огня казались безумными.

— Что случилось?

— Спускайся, — велел он.

— Зачем? — я насторожилась.

Похоже, все спали.

— Там кто-то есть, — он показал пальцем вверх.

— Да ну. Это ветер.

— Нет, не ветер, — сказал он тихо, но убедительно. — Пойдем посмотрим.

Он был по-прежнему в пальто и шарфе.

— Я что, самая смелая?

— Да, — он протянул мне руку.

Пришлось вылезти, а когда прыгнула с приступка, поняла, что стою в одних колготках и длинной, белой с черными плечами футболке.

— Осторожно, — предупредил он. — На человека не наступи.

Прямо под моими ногами, на матрасе возле печки, накрывшись ватным одеялом, спал Якушин.

— Слушай, я не одета и не могу никуда идти.

Но Амелин тут же протянул мою куртку.

В сенях было нереально холодно и темно. Мы подошли к лестнице и прислушались.

Я очень злилась, что он разбудил меня и заставил встать, что не позвал никого другого и в довершение всего напугал. Потому что стоило выйти в непроглядный мрак, как мой привычный безотчетный детский страх мгновенно ожил.

Леденящее чувство чьего-то незримого присутствия, которое не спутать ни с чем другим. И, чем дольше я прислушивалась, обхватив деревянные перила, ведущие на второй этаж, тем больше мне казалось, что наверху действительно кто-то есть. Будто даже глухой стук шагов и едва различимый скрип досок.

— Давай разбудим остальных, — предложила я, но Амелин только приложил палец к губам и, осторожно взяв меня за кончики пальцев, стал медленно подниматься по лестнице.

Ступени ритмично похрустывали, моя куртка тихо шелестела.

Амелин остановился на втором этаже возле первой двери. Мы оба замерли, прижавшись к стене.

— Это здесь, — взволнованно проговорил он. — Слышишь?

Я снова прислушалась. В тот момент было сложно сказать, слышу ли я что-нибудь, потому что сердце бешено стучало, заглушая все другие звуки.

— Возможно.

И тут внезапно, без предупреждения он распахнул дверь. Та глухо стукнулась, и в глубине комнаты, в углу, я совершенно точно уловила движение.

Что-то бегло скользнуло, на миг пропало, а потом вновь появилось. Я непроизвольно дернулась, сделала шаг назад и наступила Амелину на ногу.

— Там что-то есть.

— Прогони его, пожалуйста, — приглушенно попросил он, не двигаясь с места.

— С ума сошел? — я снова сделала попытку отступить, но он настойчиво подтолкнул меня вперед.

Я неловко отпрянула, наткнулась бедром на стул, и он с жутким грохотом упал. Дверь за нами закрылась. Движение в углу прекратилось, и наступила мертвая тишина.

Амелин, сволочь, стоял прямо за мной, будто бы прячась.

По спине ползли мурашки, ладони похолодели. Больше всего я хотела поскорее выбраться из этой жуткой комнаты, но он загораживал проход и не пускал.

— Я уже все сделал, — зашептал хрипло прямо в ухо.

Я не видела лица, но знала, что темнота его глаз в этот момент была еще глубже и страшнее той, что нас окружала.

— Пожалуйста, — проговорил он, горячо дыша в затылок. — Защити меня.

В эту минуту я не знала, чего боялась больше: того, что двигалось в углу, или его самого.

Но тут снова слышались шаги, на этот раз громкие и отчетливые. Затем шумно раскрылась дверь, и вспыхнул резкий, ослепляющий свет. Амелин вздрогнул, я закрылась локтем. В дверях стоял помятый, взлохмаченный и очень недовольный Якушин.

— Что вы тут делаете?

— Саша, — пролепетала я, — тут что-то было, в углу.

— Где? — Якушин развернулся в ту сторону, куда я показывала.

В комнате было довольно уютно, почти как в квартире. Большая двуспальная кровать, тяжелые шторы, за дверью стояли коробки, о которые с шумом билась дверь, неподалеку валялся опрокинутый стул.

— Вон там, — я сделала пару шагов и в том месте, где двигалось это самое страшное нечто, увидела торчащий из-за штор кусок большого настенного зеркала.

В зеркале отражалось каждое мое движение.

— Зеркало? — удивился Якушин. — Ты испугалась зеркала?

Он как-то невесело усмехнулся и оглядел меня с ног до головы. Босиком, в колготках и куртке, я, должно быть, выглядела очень нелепо.

— Чего вы вообще сюда поперлись? — Якушин поправил штору, чтобы она полностью прикрыла злосчастное зеркало.

— Просто Амелин слышал что-то. Мы оба слышали. Да?

Я посмотрела на него, ища поддержки, но он стоял, наклонив голову так, что светлые волосы закрывали половину лица, и будто специально валял дурака. Было очень подло с его стороны так прикалываться. Не сдержавшись, я ударила его кулаком в плечо.

— Ты чего меня тут пугал? Это смешно?

От моего толчка он покачнулся, но голову не поднял. Тогда Якушин подошел к нему поближе, убрал с лица волосы и прикоснулся двумя пальцами ко лбу.

— Все ясно. Пациент готов. За тридцать восемь точно. Температура. Бред и галлюцинации.

Затем он потрогал и мой лоб, а потом насмешливо улыбнулся:

— А вот у тебя с чего, непонятно.

Стащив, наконец, с Амелина дурацкое пальто, мы уложили его на большую железную кровать, где до этого спал Марков. Тот, правда, долго ворчал, что всего четыре утра, и теперь он не уснет. Но кровать уступил.

Амелина то знобило, то бросало в жар. Его щеки пылали, и он либо нес новый бред и пытался встать, либо отключался и на время успокаивался, что одинаково пугало.

— Саша, сделай, что-нибудь, — в конце концов попросила я, когда мы в течение полчаса с волнением наблюдали за этими припадками. — Ты же врач.

— Спасибо за комплимент, — грустно улыбнулся он, — но без лекарств и дипломированный доктор ничего не может сделать. А таблеток у нас нет. Потому что мы идиоты.

— Вот если бы был коньяк, — подключился Петров, — можно было бы народными средствами полечить. У меня мать с теткой всегда так лечатся.

— Коньяк нужно было пить сразу, как только пришли, чтобы организм прогреть, — сказал Якушин. — А сейчас градус нельзя поднимать. Даже чаем.

— Но вас же там учат оказывать первую помощь и всякому такому?

— Ага, — Якушин повеселел, — а еще колдовству и магии. Ладно, сейчас приду.

Не одеваясь, он выскочил на улицу и почти сразу вернулся с алюминиевым ведром, доверху наполненным снегом, и скомандовал:

— Тоня, лезь к себе и накройся подушкой. Сейчас тут будет проходить операция. Не для слабонервных.

— Но я не слабонервная и могу помочь.

— Это не обсуждается. Петров, иди сюда, заткнешь уши Семиной. Ты, — он ткнул в Маркова, — мне поможешь. Я буду держать его, а ты снегом натирать. Понял?

— Вроде, — озадаченно протянул Марков, нехотя поднимаясь с дивана, где все еще спал Герасимов. — Только ничего, что у него жар, а мы его снегом?

— Это единственное, что сейчас можно сделать, — Якушин закатал рукава рубашки, как заправский хирург.

— Неужели и в наше время люди умирают от высокой температуры? — недоверчиво спросил Петров, вылезая из-под одеяла.

— Белок в крови сворачивается при сорока двух градусах, и все. Привет. А температура от того, что организм борется с раздражителями и в этой борьбе никогда не останавливается, — произнося это, Якушин выглядел очень серьезно, совсем по-взрослому. Я так и представила его в белом халате и со стетоскопом на шее.

Петров задумался, я тоже, а Марков строго и по-деловому сказал:

— Тогда давай быстрее натирать, а то снег растает. Ща, только очки сниму.

Я послушно залезла на печь, легла и прикрыла глаза.

— Может, на пол его?

— Давай.

Послышалась возня. Видимо, Амелин сопротивлялся. Ребятам пришлось разбудить Герасимова, чей недовольный и ничего не понимающий голос вскоре присоединился к остальным.

— Держи его за ноги, — приказал Марков. — Как следует держи.

— Пусть Петров держит, — глухо отозвался Герасимов. — Мне одного фингала достаточно.

— Дурак, это не шутки, — закричал на него Якушин. — Держи и все! А то я эту кофту с него никак стащить не могу. Мокрая насквозь.

— Блин, — выругался Герасимов. — Мне неудобно.

— Да сними ты уже свой «Рамштайн», на фиг. Он тебе мал.

Они снова усердно запыхтели, и вдруг Марков как воскликнет:

— Фигасе!

— Мать моя женщина, — вторя ему, медленно проговорил Герасимов. — Большой придурок.

— Никогда такого не видел, — в голосе Якушина тоже слышалось удивление.

— Погодите, что там? О боже! — присоединился к ним Петров.

Я хотела высунуться, но в ту же секунду раздался душераздирающий вопль. Никогда не слышала, чтобы люди так кричали: жалобно и дико, словно изгоняли дьявола. В страхе я моментально забралась под подушку, но и через нее все было слышно.

Амелин то сыпал отборными ругательствами, то трогательно умолял «пожалуйста, не надо», то просто истошно орал. Проснулась Семина, и Петров принялся заговаривать ей зубы, чтобы она не слушала и не смотрела.

Скорее всего экзекуция длилась не дольше пяти минут, но мне это время показалось бесконечно долгим. Амелина было очень жалко. Тем более, я чувствовала свою вину, что потащила его через дурацкое поле.

Под конец он, видимо, совсем обессилел или привык и сдался, потому что стало почти тихо, только Семина горестно всхлипывала.

Потом я слышала, как его подняли и положили обратно на кровать. Как Герасимов обозвал его сильной скотиной, и что с первого взгляда этого не скажешь, а Марков похвалил себя за то, что предусмотрительно снял очки, и Якушина — за то, что «вырубил его».

После последних слов я от возмущения так подскочила, что стукнулась головой о потолок. Натянула джинсы и спустилась вниз.

— Вы что тут устроили?

На полу посреди комнаты растекалась огромная талая лужа с кусочками льда.

— Все нормально, — Марков тоже был весь мокрый. Они все были по уши мокрые. — Чего вылезла?

Амелин лежал под простынкой на кровати, с закрытыми глазами, мертвенно бледным лицом, мокрыми прядями, спадающими на лоб, и напоминал уснувшего ангела. Слева у него на шее я заметила большое буро-красное пятно от ожога. А на открытой части плеча с той же стороны белый неровный рубец.

— Мне кажется, вы его насовсем вылечили, — Петров, по-прежнему сидел на постели Семиной, а та, прижав руки ко рту, с ужасом в глазах смотрела на безжизненное тело.

— Ему насовсем не помешает, — отозвался Герасимов.

— Он так кричал, так кричал, — в глазах у Семиной стояли слезы.

— Что произошло? — я повернулась к Якушину.

— Ничего страшного, — твердо сказал он. — Отвечаю, полчаса — и на градус температура точно снизится. Меня в детстве отец всегда так закалял. Это не больно, просто неприятно.

— Ты что, его ударил?

— А чего он меня ударил? — подхватился Марков.

Мило ухмыльнувшись, Якушин развел руками:

— Легкий анестезирующий апперкот. Хочешь, покажу?

И парни тут же весело заржали. После происшедшего они все как-то агрессивно взбудоражились.

— Да вы просто садисты. У человека температура, а вы его пытаете и бьете.

Я подошла и потрогала лоб Амелина. Однако он действительно немного остыл, а дыхание стало более ровным.

— Ты как? — я перевела взгляд на Семину.

Та немного подумала, прислушиваясь к себе, а потом на удивление спокойно сказала:

— Если не считать душевной травмы, замечательно. Выспалась прекрасно. Только очень есть хочется.

Утром солнце светило так ярко, что от его золотистых ослепительных лучей оконные стекла будто горели. В комнате стояла мирная сонная тишина, только Амелин немного постанывал и кашлял.

Я бесшумно оделась и вышла на крыльцо. Свежий, новенький снег жизнерадостно искрился россыпью бриллиантов. Воздух был морозный и свежий. Идеальный, головокружительный воздух. Даже солнце будто бы грело, а в высоком чистом небе летела пара крупных ширококрылых птиц. Неизвестно откуда во мне взялось сказочное и упоительное чувство радости. Точно на несколько секунд окунулась в то самое далекое и бессознательное детство, когда все было хорошо и безмятежно.

Вслед за этим сразу вспомнилось, что дома, должно быть, все стоят на ушах, поэтому тягостное чувство вины заслонило радость чудесного утра.

Вскоре в доме послышалось хлопанье дверей, громкие голоса, и ко мне на крыльцо выползла довольная и светящаяся Семина. Наконец она выглядела как нормальная девушка. Очень хорошо выглядела, потому что улыбалась, и я обнаружила у нее на щеках ямочки.

Настя сладко потянулась и крепко зажмурившись, вздохнула:

— Наверное, мне надо вернуться. Я всем только в тягость.

— Это ты из-за того, что они на тебя накричали вчера?

— Мы совсем друг друга не знаем. — Настя зябко куталась в накинутый на плечи пуховик. — И кое-что даже пугает.

— Ты про Амелина?

— Вначале он мне очень понравился. Такой симпатичный, миленький кун.

— Миленький кто? — я вспомнила безумный взгляд.

— Парень. Я решила, что такой мне подошел бы. Типа Усуи Такуми^[5], или Зеро Кирию^[6], или Тору из «Усопших». Точно типа Тору. Мне нравятся светловолосые.

Настя была королева в своем аниме-мире и, вероятно, знала, как выглядят все эти персонажи, но я примерно представляла себе лишь Усуи, и Амелин был совсем на него не похож.

— Я даже обрадовалась, что рассказала ему про то, где мы встречаемся, — продолжала она так беспечно, что я чуть не пропустила главное.

— Это ты ему растрепала? Настя!

— Я не растрепала, — она виновато поджала губы. — Просто пожалела, ведь он очень просился с нами. Очень-очень. Я ведь не железная. И была этому рада, потому что он типа Тору. Но теперь, после того, что увидела, буду держаться за километр. И ты держись. А то уже заметно, что он к тебе лезет.

Настино простодушие было таким искренним, что у меня даже слов не нашлось, чтобы осудить ее за эту «жалость».

— Не волнуйся, меня миленькие не интересуют. Так, что вы у него такого увидели?

— Ой, Тоня, я такая впечатлительная, мне теперь эти ужасы по ночам сниться будут.

Вдруг, чуть не скинув нас с крыльца, прямо в носках на снег выскочил Петров:

— Идите скорее, про нас показывают.

И мы бросились в дом.

«Оперативники разыскивают пропавших подростков, известных в сети как

группировка Дети Шини, подозреваемая в доведении до самоубийства сверстницы».

И на экране начали по очереди появляться фотографии. Те самые, из Кристининого ролика.

«Ушли из дома и до настоящего времени не вернулись».

Герасимов Владислав. На вид восемнадцать лет, рост — сто девяносто два сантиметра, волосы русые, коротко стриженные, глаза серые, телосложение спортивное, имеет шрам от операции по удалению аппендицита. Был одет в серую дутую куртку и темные брюки.

Петров Егор. На вид семнадцать лет, рост — сто семьдесят четыре сантиметра, волосы темно-русые, короткие, глаза карие, среднего телосложения, проколото левое ухо. Был одет в синюю куртку, синие джинсы, на ногах кроссовки.

Осеева Антонина. На вид пятнадцать лет, рост — сто пятьдесят семь сантиметров, волосы до плеч, красного цвета, глаза серо-зеленые, телосложение нормальное, на пояснице большое родимое пятно. Была одета в темно-зеленую куртку.

Семина Анастасия. На вид шестнадцать, рост — сто семьдесят два сантиметра, волосы светлые и длинные, ниже плеч, глаза голубые, телосложение худощавое, шрам на правом колене, на предплечье татуировка в виде черно-белого круга. Была одета в черное зимнее пальто, на ногах ботинки.

Якушин Александр. На вид девятнадцать лет, рост — сто семьдесят восемь сантиметров, волосы короткие темно-русые, глаза серые, телосложение спортивное, на левой брови шрам в виде глубокой царапины. Был одет в куртку с капюшоном цвета хаки.

Амелин Константин. На вид семнадцать лет, рост — сто восемьдесят сантиметров, волосы светло-русые волнистые, глаза темно-карие, телосложение худощавое. Особые приметы: на предплечьях обеих рук множественные шрамы, на спине и шее имеются ожоги. Был одет по сезону.

Марков Даниил. На вид семнадцать лет, рост — сто семьдесят семь сантиметров, волосы темные, волнистые, глаза карие, худощавого телосложения, носит очки.

Двое несовершеннолетних, находящихся в розыске, состоят на учете в полиции.

Всех, кто что-либо знает о местонахождении подростков, правоохранители просят обратиться в ближайший отдел полиции или позвонить 102».

Мы с ужасом переглянулись. На наших лицах были написаны паника и стыд.

— Двое из нас на учете? — сказала я, оставив в стороне возмущение по поводу того, что мне «на вид пятнадцать». Нужно было говорить о чем угодно, лишь бы не жалеть себя. — Вот так сюрприз.

— Это не я, — выпалил сидевший на полу прямо под телевизором Петров.

— И не я, — Герасимов стоял посреди комнаты, скрестив руки на груди, и всем своим видом демонстрировал упрямое равнодушие.

— Естественно, и не я, — Марков нервно заерзал.

— А чего вы все на меня смотрите? — возмутился Якушин с другого дивана. — Сто процентов нет.

— Точно он, — ткнул пальцем Марков в сторону спящего Амелина.

— Я бы его за одни эти шрамы на учет поставил, — согласился Герасимов.

— Это из-за них вы вчера так орали? — спросила я, и он кивнул.

Наконец хоть что-то прояснилось.

— Короче, — сказал Марков, — давайте по-честному. Кто второй?

— Ну, ладно, — сдалась молчавшая все это время Семина. — Это я.

— Ты? — воскликнули мы в один голос.

— Ничего такого. С одной сетевой знакомой косплеили в парке. Она была розоволосая, Юно Гасай ^[7] я — Мэй. Просто сидели на лавочке зимой и болтали. Было холодно, поэтому забрались на спинку, а ноги поставили на сиденье. Мимо шли полицейские и объявили, что мы совершаем грубое административное нарушение. Мы сразу слезли, но они все равно заявили, что у нас, уродок, уродские родители, потому что плохо воспитали, и что наши дети тоже будут уродами. Стоило, конечно, все спокойно выслушать, но Юно не выдержала, вошла в образ, достала нож — у нее был страшный и кривой косплейный нож, — и начала изображать безумную Юно. Это было забавно, но полицейские не впечатлились. Просто забрали нас в отделение и поставили на учет. Вот и вся история.

— А татуировку покажешь? — нахально спросил Петров.

— Это просто Инь-Ян, — Настя стыдливо потупилась.

— Чего? — не понял Герасимов.

— Инь-Ян, — повторила Настя. — Китайский символ объединения и взаимодействия.

— Зачем тебе это? — неодобрительно сказал Марков.

— Это отражение моей жизненной позиции.

— Что за позиция такая? — поморщился Герасимов.

— Что все взаимозависимо и взаимопроникаемо.

— Ну, ты загнула, — покачал головой Якушин и принялся скатывать матрас, на котором спал.

— Согласно принципу Инь-Ян, все явления, существующие в природе, имеют два противоположных, но влияющих друг на друга начала, — пояснила Настя. — Свет и тьма. Добро и зло. Мужчина и женщина. Жизнь и смерть.

И тут Амелин зашелся в таком диком кашле, что все замолчали. От его сдавленных хрипов нам всем стало не по себе.

— Надо решить, что каждый из нас будет делать дальше, — рассудительно сказал Якушин. — Теперь мы не просто мифические интернет-персонажи, а находимся в розыске. И сейчас тем, у кого дома все нормально, самое время вернуться.

— Никому нельзя возвращаться! — Марков выскочил на середину комнаты и стал на нас всех по очереди воинственно зыркать сквозь бликующие стекла очков.

— Я тебя не понимаю, Марков, — сказала я. — У тебя вроде благополучная семья. Мама, папа, сестра младшая, вы хорошо обеспечены и выглядите дружными. Родители носятся с тобой как с писаной торбой. Что тебя не устраивает?

— У меня благополучно, — немного подумав, согласился Марков. — Но это вопрос принципа. Отец, когда узнал про фигню с Ворожцовой, сказал, что я недоумок, потому что он тысячу раз предупреждал не связываться с тупыми школьниками, а я связался. И еще, что я лузер и без него ничего не могу. Понятное дело, на понт брал, но все равно пусть теперь подумает, стоило ли меня унижать.

Петров потрясенно выпучил глаза:

— Значит, тебе за это ничего не будет?

— Да, он мажор, известное дело, — Герасимов пошел и взял чайник.

— А ты тупой, — крикнул ему вслед Марков.

— Настя домой собралась, — прервала я очередную перепалку.

— Нет уж, после такого не поеду, — Семина быстро замотала головой. — Я точно расколуюсь и скажу, где вы прячетесь.

— Вообще-то, когда мы разделимся, это будет неважно, — сказал Якушин.

— Как разделимся? — не поняла Настя.

— Мы не можем таскаться толпой. Я сегодня заведу машину и завтра утром могу отвезти вас на станцию.

— Саш, — Петров подскочил к Якушину на диван и пристроился рядом, театрально сложив руки на коленях, — может, по старой дружбе возьмешь меня с собой? А? Я тебе пригожусь.

— Тебя? — Якушин бросил на него рассеянный взгляд. — Тебя возьму.

— А что нам делать? — Настя была близка к тому, чтобы начать страдать. — Тоня, ты собираешься вернуться?

— Нет. Во всяком случае, пока. У меня есть деньги. Наверное, можно снять номер в какой-нибудь гостинице. Ведь как-то люди живут.

— Кто это тебе в шестнадцать лет сдаст номер? Лучше думай о бабушках или каких-нибудь тетках, — посоветовал вернувшийся с улицы Герасимов.

— А сам что будешь делать? — Семина вопросительно уставилась на него.

Марков, расхаживающий туда-сюда в нервном возбуждении, на секунду остановился, взглянул на Герасимова и снова принялся ходить.

— У меня есть супер-место.

— Что за место? — допытывалась Настя.

— В глухомани под Псковом. Дядька там живет. Реальный особняк. Деятнадцатый век. Давно хотел к нему рвануть, — неожиданно охотно рассказал Герасимов.

— Слушай, Осеева! — вскинулся вдруг молчавший целых пять минут Марков. — А давай вместе поедem в Крым или Сочи? У тебя деньги есть, у меня тоже, и Семину с собой возьмем, раз уж ей некуда податься. Кто нас будет в Крыму искать? А в Сочи вообще, говорят, полно отелей, и все пустуют. Просто поедem в город, зайдem в любую кафешку, забронируем через Интернет билеты, частный отель и все. Делов-то! С деньгами поселят, и даже без паспорта. Хоть все в одну комнату.

— Еще чего! С тобой, Марков, и в одном доме с ума сойдешь, не то что в одной комнате.

— Сочи — это здорово, — мечтательно сказала Настя. — Там снега нет. И море. Если вы меня возьмете, я за Сочи.

— Ладно, Сочи так Сочи, — мне было действительно все равно, — но что мы там делать будем?

— Зачем что-то делать? — спросила Семина с неподдельным огорчением в голосе. — Я так устала постоянно что-то делать. Почему нельзя просто жить?

— Мы там учиться будем, — Марков продолжал ходить по центру комнаты. — Можно будет найти онлайн-лекции или семинары. Ну, это я. А вы как хотите. До следующего сентября перекантуемcя, а там посмотрим.

— А с этим что? — Герасимов кивнул на Амелина.

— Что-что, — мгновенно откликнулся Якушин. — В больницу местную отвезем, и все.

— Но это будет не очень честно, — сказала я. — Он ведь тоже не хочет возвращаться.

— А ты головой подумай, — грубо одернул меня Марков. — Он вчера чуть не помер. Какие варианты?

Пришлось согласиться, что это действительно единственный выход.

— Тогда завтра выезжаем, — резюмировал Якушин, после чего оделся и пошел в гараж.

Все парни, похватав какой-то еды со стола, и без его указаний отправились расчищать снег перед гаражом.

После их ухода в наступившей тишине приступы кашля зазвучали еще страшнее. Амелин с жуткими хрипами втягивал в себя воздух и бился на кровати, как выброшенная на берег рыба.

Я разогрела молоко и попросила Семину принести еще снега для чая. А сама взяла кружку с дымящимся молоком, села на кровать и несколько раз потрясла Амелина за плечо, пытаясь разбудить. Но он только кашлял и хрипел. Потрогала лоб. Температура если и была, то намного ниже, чем вчера вечером. Вероятно, было лучше оставить его в покое. Но как только дверь за Семиной захлопнулась, он неожиданно схватил меня за руку, так что молоко, которое я держала в другой руке, немного выплеснулось на пол.

— Как ты позволила им сделать это со мной?

От такой фамильярности я растерялась.

— А как еще? Нужно было сбить температуру. Или ты хотел умереть?

Попыталась аккуратно высвободить руку, чтобы снова не разлить молоко, но внезапно остолбенела. И было от чего: все его предплечье, от самого запястья до локтя, оказалось испещрено кошмарными рубцами и порезами, маленькими и большими, тонкими и жирными шрамами, в основном поперечными, но было несколько и продольных. Так, что все вместе это напоминало хаотичную штриховку безумного художника.

Амелин перехватил мой взгляд и вызывающе улыбнулся.

— Видишь же, что хотел. Только до вчерашнего дня думал, что все знаю о боли, но даже представить не мог, что чувствуешь, когда к горячему телу прикасается кусок льда.

— Якушин сказал, что это не больно, просто неприятно, — с трудом выдавила я, все еще переваривая увиденное.

— Твой Якушин ошибся. Все наоборот — это было жутко больно, но приятно.

Он паясничал, стараясь меня зацепить.

— Слушай, Амелин, ты не дома. Может, там твои родители на эти штуки ведутся, а нам, честно сказать, по фигу.

Но ему явно доставлял удовольствие этот глумливый ребяческий эпатаж. Он вытащил из-под простыни вторую, так же сильно обезображенную руку и вдохновенно продекламировал:

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь — базар крикливый Бога,
То только смерть — его бессмертный храм. ^[8]

Я сунула ему чашку с молоком и отошла от кровати.

Он выпил залпом и тут же снова позвал меня.

— Будь другом, помоги дойти до туалета.

Идти на попятную не хотелось, но не могла же я его послать в таком состоянии.

Кое-как поднявшись с кровати, Амелин завернулся в простыню, сунул ноги в смешные

ботинки и оперся о мои плечи. Он был выше головы на две.

— Извини. С Фетом я, наверное, переборщил.

— Завтра поедем в больницу, там тебя быстро вылечат.

Мы почти дошли до дверей, но после этих слов он вопросительно остановился, и внезапно вспыхнувший в его глазах упрек заставил меня почувствовать себя виноватой.

— У нас нет лекарств, и мы должны будем разъехаться.

— А ты куда поедешь?

— Мы с Марковым и Семиной в Сочи.

— Я хочу с вами, — сказал он, но прозвучало «я еду с вами».

— В твоей ситуации не до хотения.

— Подумаешь, кашель и температура, — он небрежно поморщился. — У тебя никогда такого не было, что ли?

— О чем ты думал, когда в легком пальто убегал из дома? Хотя и так болел. Не мог надеть что-нибудь нормальное?

— Не мог, — в его детской улыбке опять мелькнула издевка. — У меня нет.

— Чего у тебя нет?

— Ничего нормального.

Эта нелепая игра выводила меня из себя.

— Понимаю. У ненормального человека не может быть ничего нормального. И вообще, Амелин, кончай препираться. Мы уже все решили.

— Меня зовут Костя, — резко отпустив меня, он сам вышел в маленькую холодную комнату.

Его голая спина, плечи и шея сзади тоже выглядели отвратительно: лоскут неровной бугристой кожи, а на ней и под ней несколько красных длинных полос. Меня аж передернуло.

— Эй, стой, — закричала я, придя в себя. — Накинь хотя бы пальто.

Но было поздно, дверь громко захлопнулась. А когда он вернулся, перестал со мной разговаривать. Пошел, упал в кровать и накрылся подушкой.

На обед Семина сварила суп из рыбных консервов и потушила курицу с рисом на второе. Ее манипуляции на кухне выглядели фантастично. Было удивительно, что из магазинной ерунды может получиться настоящая еда. А еще она делала это с таким удовольствием, что я невольно залюбовалась. Даже когда картошку чистила, вся светилась. Чудачка.

С улицы парни примчались злые и взбудораженные, постоянно переругивались и обзывались. Понять, в чем дело, было невозможно.

— Не получилось с машиной? — осторожно спросила я.

— С машиной все хорошо. — Якушин был основательно заведен. — Плохо, что тут, оказывается, живут люди, которые телевизор смотрят.

И он рассказал, что пока Марков, Герасимов и Петров расчищали выезд и дорогу, к ним подошел местный приставучий дед. Начал докапываться, кто такие, зачем и откуда. Сам Якушин в это время был в гараже, а когда вышел, оказалось, что Марков успел изрядно нахамить деду, и тот объявил, что идет вызывать полицию. Петров предложил убить деда, но всем было не до шуток.

Получалось, что нам нужно срочно валить из деревни. Дружно обозлившись на Маркова, мы начали собираться, как полоумные.

Свежий суп пришлось вылить, а в чугунный котелок с курицей и рисом Герасимов

вцепился, как в спасательный круг. И мы отдали ему котелок в обмен на черную толстовку с «Рамштайном» для Амелина, потому что его собственный свитер, всю ночь провалявшийся под стулом, высохнуть не успел.

Вероятно, дед свою угрозу исполнил, так как через полтора часа на повороте в сторону Волоколамска нам повстречалась пара полицейских машин.

Когда же до всех дошло, что мы едва не попались, но ловко ускользнули от преследования, стало отчего-то легко и весело, даже азартно.

Ярко освещенные солнцем снежные поля, мелькавшие за окном, теперь не угнетали, в них словно появился некий скрытый, но очень важный смысл. Все кругом было белым, первозданным и идеально чистым, как тот лист, с которого заново начинают делать все неудавшиеся дела, в том числе жить. А сверкающие лучи солнца, настойчиво проникавшие сквозь припорошенные кроны деревьев, еще сильнее разжигали ощущение этой радужной надежды.

— Сделай погромче! — закричал вдруг Петров сзади, мощным энергетическим вихрем врываясь в мое сознание.

Я прибавила звук, и машина бешено закачалась, потому что Петров тут же запрыгал.

О том, что детям завтрашнего дня не нужен сегодняшний, когда они живут во вчерашних грехах, кажется, орали все. Кажется, орали все. Кто-то нещадно путал слова, но это было неважно, потому что мы завелись, и создавалось впечатление, что наша машина буквально скачет по дороге в яростном ритме Красного флага [\[9\]](#).

Это было, как выбросить из головы все прошлое, не загадывать на будущее, не бояться, не планировать и ни о чем не сожалеть.

Я тоже жизнерадостно запрыгала на сиденье, и Якушин, добродушно расхохотавшись, так посмотрел на меня, что если бы такое случилось два года назад, я, наверное, умерла бы от счастья.

Когда приступ общей беспричинной радости улегся, парни стали есть втроем прямо из котелка. Ложка была одна на всех, и больному Амелину ее, конечно, не дали. Но у меня в куртке остались два сникерса — мой и Настин. Я отдала их ему и Якушину, потому что Настя сладкое не ест, а я могла потерпеть.

В общем, все было очень хорошо и весело, пока мы не добрались до Волоколамска.

Сначала кое-как нашли вокзал и высадили Маркова с Герасимовым покупать билеты: одному — в Москву, другому — в Псков. А сами поехали искать больницу.

Пришлось останавливаться чуть ли не возле каждого прохожего, чтобы узнать, как туда добраться. Ведь ни gps, ни карт у нас не было.

Каждые пять минут звонил Марков и психовал, что на вокзале рядом с ними ходят полицейские. Масла в огонь подлила Семина, когда стала делать замечания, что мы очень быстро и опасно едем. А в довершение всего Петров заныл, что его укачивает.

В итоге Якушин по неосторожности грубо подрезал синий «Мерс». Понятное дело, что опыта вождения у него особо не было, а тут еще нервы и мы. Но водитель «Мерса» об этом не знал, и, возможно, если бы знал, это ничего не изменило. Потому что, возмущенно отсигналив нам сзади, он просто взял и обогнал, встав перед «Газелью».

Мы притормозили. Якушин напрягся, мы с Настей тоже, а Петров, которому сзади было ничего не видно, стал выпрашивать, что да как. Но все молчали.

Просто сидели и опасливо наблюдали, как из «мерса» решительно вышел довольно молодой, прилично одетый мужик с бородой, подошел и требовательно постучал в дверь. Мы

с Настей в один голос закричали Якушину «сиди». Однако он, хоть и замялся, все же вышел к этому мужику.

Глупо, конечно, было рассчитывать, что тот пришел разговоры разговаривать, но когда он резко ударил Якушина в лицо кулаком, мы с Настей ахнули от неожиданности. Семина тут же закрыла глаза ладонями, а я полезла через водительское сиденье, спасти Якушина. Но мужик не стал дожидаться продолжения, крикнул еще что-то матом и быстро ретировался.

Якушин вернулся на свое место злой и расстроенный. Из носа у него шла кровь, на переносице появилась ссадина. Было видно, что ему стыдно перед нами, и от этого мы тоже чувствовали себя неловко. Даже Петров.

— Подумаешь, — наигранно беспечным тоном сказал он. — Что такого? А кто не получал?

— Да заткнись уже, — одернула я его.

Петров обиженно замолчал, однако тихонько достав камеру, подполз сзади и попытался поймать Якушина в кадр. Тогда я разозлилась по-настоящему, вырвала у него из рук камеру и запихнула ее под свое сиденье.

Настя сказала, что в ее сумке сзади есть целая упаковка бумажных платков. Петров начал их искать, и пока он шумно возился, перекрикиваясь с Настей, разбудил Амелина.

Я слышала, как тот спросил, куда мы едем, а когда услышал про больницу, хрипло, но отчетливо крикнул:

— Если отвезете меня в больницу, я вас сдам. Обещаю.

— От воспаления легких люди даже под присмотром врачей умирают, — попытался урезонить его добрый Петров.

— В больницу я не поеду, — упрямо повторил Амелин.

Я повернулась к окошку и попыталась разглядеть его в темноте кузова.

— Знаешь, Костя, нам и без твоих капризов проблем хватает.

— Ты наконец запомнила, как меня зовут, — едва сдерживая кашель, прохрипел он. — Теперь я тем более туда не поеду.

Якушин закончил вытирать кровь, внимательно оглядел пострадавший нос в зеркало, скинул использованные платки себе под ноги и вопросительно посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Что делать?» Я пожала плечами.

Если прислушаться к голосу разума, Амелина без разговоров нужно было везти в больницу, но что-то внутри противилось этому решению. Ведь он в таком же положении, как мы, и отдать его на растерзание просто нечестно, пусть он даже чудака и суицидник.

Якушин будто прочел мои мысли.

— Ладно, — сказал он. — Ты сам себе хозяин.

Затем мы развернулись и поехали назад.

После дорожного происшествия Марков неожиданно перестал названивать. А когда мы подъехали к вокзалу и перезвонили ему, не ответил. Герасимов вообще оказался недоступен.

Тогда мы с Якушиным сами пошли за ними, но в зале ожидания ни Маркова, ни Герасимова не оказалось. Обшарили все вокруг вплоть до туалетов — парни как сквозь землю провалились.

— Наверное, в полицию забрали, — удрученно предположил Якушин, когда стало ясно, что на вокзале их нет.

Дело шло к вечеру, легкий серовато-розовый полумрак зыбкой пеленой опускался на город, и внезапная мысль о приближающейся ночи напугала меня. Точно если до конца дня

мы их не найдем, все исчезнет: и этот город, и Москва, и весь мир. И мы вместе с ним. Как в компьютерных играх, когда после провала миссии экран постепенно гаснет, а главный герой умирает вместе с уходящим светом. Тотальная и крошечная тьма из моих кошмаров, безысходная и вечная. Game over.

И тут мне в голову пришла странная, но вполне жизнеспособная идея. Я натянула капюшон, взяла Якушина под локоть и потащила к окошечку «Справочное».

— Скажите, пожалуйста, где у вас полиция? На нас тут, за углом, хулиганы напали. Вон как человека избили, — я ткнула пальцем в нос Якушину.

Моложавая женщина с забранными в хвост гладкими, блестящими черными волосами и тонко выщипанными бровями мигом вскочила и убежала, а через минуту вернулась в сопровождении розовощекой, коротко стриженной дородной тетеньки с чемоданчиком в руке.

Тетенька неласково толкнула Якушина на жесткие металлические сиденья и начала обтирать ему лицо спиртом. Потом напихала в нос тампонов, дала две таблетки аспирина, супрастин и велела ехать в травмпункт. Якушин безразлично сунул таблетки в карман и попросил троксевазиновую мазь.

Мази в ее чемоданчике не оказалось, но пока она возилась, неожиданно заметила на шее Якушина выбившийся из-под одежды кулон, похожий на тот, что носят американские солдаты, схватила его пухлой рукой и стала внимательно разглядывать. На кулоне был изображен красный крест и буквы DNR.

Затем тетенька возмущенно надула толстые щеки и пренебрежительно заявила:

— Ты еще салага, чтоб себе такие вещи надевать. Головой сначала думай, — она собиралась ткнуть его пальцем в лоб, но Якушин отдернулся.

Та, что из справочной, очень вовремя вмешалась:

— Линейный пункт недалеко, через дворы пройти можно. Вам нужна улица Волоколамская, 1 «а». И сунула мне в руку складную карту города. — Здесь патруль обычно дежурит, но они уехали. Забрали то ли безбилетника, то ли воришку, я не поняла.

— Одного? — осторожно спросила я.

— Да кто его знает. Вроде одного. Мне некогда рассматривать, — она махнула рукой, прощаясь с нами, и скрылась в своем окошке.

В отделение пришлось идти пешком: машину нельзя было светить. Никакого плана у нас не было, просто хотели убедиться, что тот, кого забрали, — не один из наших.

Но далеко уйти не успели. Позвонил радостный Петров с известием, что Герасимов вернулся. Оказывается, он ходил искать «Макдоналдс», но не нашел, зато по дороге потерял телефон. А Марков не хотел идти в «Макдоналдс» и остался на вокзале. Это объясняло, почему полиция увезла одного человека.

Петров сказал, чтобы мы быстрее возвращались, потому что Маркову не поможешь, а если не уедем подальше от вокзала, то и нас заберут.

Мы развернулись на сто восемьдесят градусов и уже дошли до светофора, как вдруг на другой стороне, под фонарем, я увидела знакомую красную куртку и черные кудряшки. Человек в красном шел очень быстро и вскоре почти пропал из виду.

— Марков! — Я сломя голову бросилась через дорогу, не обращая внимания на машины.

Кидаться под колеса было полнейшим безумием, но мы не могли его потерять.

Я догнала его и прыгнула сзади.

— Нашелся!

Он испуганно вздрогнул и завертел головой так, что чуть не потерял очки, а затем, поняв, что происходит, небрежно стряхнул меня с себя и какое-то время недоуменно смотрел:

— Осеева? Ты чего?

— Я так рада, что тебя не забрали.

— Что значит «не забрали»? Очень даже забрали, — сказал он поучительным, но довольным тоном.

— Что же случилось?

За сегодняшний день я была готова к любым сюрпризам.

— Случилось то, что я уговорил их не ехать в отделение. Просто остановились по пути, во дворах, — Марков махнул рукой в неопределенном направлении. — И поболтали. Обычно люди пытаются избавиться от меня гораздо раньше, но эти оказались дотошные и жадные.

— Ты что, подкупил их? — несколько удивленно спросила я.

— Ой, Осеева, ты как маленькая. Они дали мне три часа, пока не закончится их дежурство, а потом появятся другие, и с теми неизвестно, как. Так что нужно сваливать побыстрее из города. Но на электричке нельзя: там по всем вагонам ходят и проверяют. А еще есть междугородние автобусы. На них тоже нельзя. Это мне парни рассказали.

— Какие еще парни?

— Полицейские.

Мы вернулись в машину. Сначала поехали в аптеку, взяли троксевазин и лекарства для Амелина, затем в «Макдоналдс». Купили два огромных пакета с едой, припарковались в какой-то глуши рядом с высокой оградой старого парка и усадились есть в кузове, потому что там было хоть и тесно, но тепло.

На улице совсем стемнело, и теперь все не казалось таким радужным, как утром, когда мы обсуждали наши планы. И, хотя Марков по-прежнему продвигал тему Сочи, уверенности в его голосе уже не было. Нереалистичные предложения сыпались с разных сторон, все спорили, никто никого не слушал, мы устали и запутались.

Вдруг молчавший все это время Амелин подал голос:

— Вас поймают через два-три дня.

— Чего каркаешь? — сердито одернул его Герасимов.

— Вы слишком много дергаетесь и светитесь. Вон, за один день сколько успели наворотить. Люди, когда реально хотят исчезнуть, берут и растворяются.

— Как это растворяются? — не понял Петров.

В темноте кузова лиц было не разглядеть, а к вечно спорящим голосам примешивалось яростное шуршание пакетов, оберток и дружное жевание.

— В мире растворяются, сливаются с естественным жизненным потоком мироздания, — глубокомысленно ответил Амелин. — Если мы не исчезнем, нас быстро вернут домой.

— Все равно не понимаю, как можно раствориться, — Петров явно заинтересовался этим вопросом.

— Ты что? — в голосе Амелина слышался смех. — Это все знают с детского сада. Герасимов точно должен помнить:

Из дома вышел человек

С дубинкой и мешком

И в дальний путь,

И в дальний путь
Отправился пешком.
И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез. [\[10\]](#)

Якушин измученно застонал:

— Больше не могу это слушать.

Он распахнул дверь и выпрыгнул из машины. Свет от стоявших вдоль пешеходной дорожки фонарей выхватил из темноты наши озабоченные лица.

— Ты куда? — крикнул ему вслед Петров.

— Пойду исчезну, — Саша накинул капюшон и, действительно, точно растворился в легком начинающемся снегопаде.

Прошел час, полтора. В машине сильно похолодало, особенно сзади, а Якушин не возвращался. Дозвониться ему не удалось — из-за снегопада связь была очень плохая.

Снова пришлось отправиться на поиски. Только теперь мы с Марковым искали Якушина. Двинулись по дорожке вдоль ограды парка в сторону, где виднелась оживленная улица, а Петров и Настя — по перпендикулярной дороге.

Миновав пугающий парк и невысокий кирпичный домик с припаркованными возле него машинами «Скорой помощи», мы вскоре дошли до перекрестка с современными зданиями, напоминавшими торговые центры, и остановились напротив вывески «Сбербанк», не понимая, куда идти дальше.

Вдруг из стоявшей у «Сбера» грязной «восьмерки» шустро выскочил парень, перебежал дорогу и подошел к нам. Обычный провинциальный паренек, до боли напоминающий гопника. В плоской кепочке, легкой кожаной куртке и спортивных штанах.

— О, а мы тебя везде ищем, — кивнул он Маркову.

Марков растерялся.

— Вы, наверное, ошиблись.

— Не. Вы не ошиблись, — парень мерзко улыбнулся, продемонстрировав сломанный передний зуб.

Следом из машины вылез его приятель, такого же неприятного вида, но в узкой черной шапке, натянутой до глаз.

— Ну, че? Он?

— Он, — подтвердил тот, что был в кепке, обнимая Маркова за плечи.

Марков поежился и попытался скинуть руку, но парень быстро обхватил его за шею и сжал так, что чуть очки не свалились.

— Эй, ты чего? — подала я голос.

— Давайте-ка в машинку шагайте, — распорядился он. — Немного поболтаем.

Исчезновение Якушина и сложившаяся ситуация в моем сознании мгновенно переплелись.

— Идем, — кивнула я Маркову, хотя под ложечкой неприятно посасывало.

Марков досадливо поджал губы, но пошел.

Нас плотно утрамбовали на заднем сиденье — в машине сидели еще двое: водитель и жирный чувак сзади. Шапка залез вслед за нами и с силой захлопнул дверь.

— Значит так, малыши, — тот, что в кепке, сел рядом с водителем, — все баблосы быстренько выложили, прямо сюда. Он снял кепку с коротко стриженной головы и протянул нам.

— И вы его отпустите? — с надеждой спросила я.

— Обязательно, — притворно улыбаясь, заверил Шапка. — Мы вас обоих отпустим. Но ты, если хочешь, можешь остаться.

Они гнусно заржали.

— Якушина отпустите? — повторила я.

— Кого? — Кепка наморщил лоб.

Марков ощутимо пихнул меня локтем, и до меня дошло, что я ляпнула глупость.

После чего мы, не говоря ни слова, полезли в карманы. У меня при себе оказалось всего

пятьсот рублей, у Маркова — тысяча.

— И че, все? — Шапка расстроено выпятил нижнюю губу.

От жирного бугая так несло потом, что меня могло стошнить прямо в машине.

— Все, — развел руками Марков.

— Да не гони, — ошетинился Кепка. — Мы же знаем, что ты богатенький Буратинка. Ну-ка, поищи получше.

— Больше нет, — упрямо сказал Марков.

— Ну вот, начинается, — пробасил жирный. — Придется искать.

Кепка рыбьим взглядом уставился на нас:

— Куда дели баблосы? Только давайте без пурги.

Мы в ужасе молчали. Тогда Шапка достал короткий нож и сунул Маркову прямо под нос.

— Будем ломаться?

— Нет ничего. Потратили, — нервно моргая, упрямо сказал Марков.

— Серега, объясни ребятам политику партии, — гнусаво проговорил Кепка.

Ублюдок в шапке — Серега — приставил свой перочинный ножик Маркову прямо к ноге и начал медленно на него давить. Марков тихо заскулил, а я похолодела от страха.

— Ну, что? — спросил Кепка. — Вспомнил? Серега, поднажми.

— Нет, — завопила я. — Хватит! Сколько вам нужно?

Парни загоготали.

— А нам все нужно, — хрюкнул жирный.

— Отпустите нас, а мы принесем, — пообещала я.

Они опять гадко засмеялись.

— Какая умная школота, — сказал Шапка. — Поступим так: мы отпустим очкарика, а ты посидишь тут. Кинет — расплачиваться будешь сама.

Они выпихнули Маркова на дорогу. Он немного постоял, пытаясь рассмотреть, что у него с ногой, но гопники открыли окно и стали подгонять. Тогда он медленно, даже припадая на ногу, двинулся в сторону нашей «Газели». Его яркая красная куртка была отлично видна в темноте.

— Вот и ладненько, — потер руки Кепка. — Давай тихонечко за ним.

Машина аккуратно тронулась с места и покатила за Марковым.

— Но так нечестно! — не сдержалась я, чем сильно их развеселила. Все время, пока преследовали Маркова, они передразнивали меня, на все лады повторяя «так нечестно».

Когда Марков доковылял до наших, Петров и Настя вернулись и что-то оживленно обсуждали с Герасимовым. Судя по их удрученному виду, Якушина они не нашли, а увидев Маркова, бросились ему навстречу.

Гопники моментально подрулили и вывалились скопом из машины, даже молчаливый водитель, который оказался здоровенным амбалом.

Завидев их, ребята так растерялись, что никто дернуться не успел. Водитель и жирный согнали нас в кучу, а Кепка и Шапка по-хозяйски полезли в «Газель». Первым делом выковыряли оттуда Амелина и кинули к нам, а затем принялись доставать сумки. Возиться особо не стали, просто раскрывали одну за другой и вытряхивали содержимое на снег.

Мои деньги и карточку нашли первыми, завернутыми в тетрадный клетчатый лист. Кепка заикнулся про пин-код, но Шапка его одернул, мол, уголовка ему не сдалась. Однако карточку не вернули.

Деньги Герасимова лежали в кармане куртки, их забрал амбал. У Насти рассыпалась

стопка сторублевок, уроды сгребли и их. Кроме того, они забрали все телефоны, карточки, ноут Петрова и планшет Герасимова. Наличие Маркова обнаружилась в носках. Бумажник Якушина Шапка, не раскрывая, пихнул себе в карман.

Напоследок они забрали пакет из «Макдоналдса» с тремя оставшимися гамбургерами и большой коробкой нагетсов. Мы остались стоять над кучей раскиданных шмоток, как бедные поселенцы после Мамаева набега.

Первой очнулась Семина и камнем бросившись на кучу, начала спешно собирать свои вещи. Наверное, потому, что сверху оказалось ее нижнее белье.

— Капец! Просто финиш! Полная задница, — впервые в жизни я видела на лице Герасимова столь бурное выражение эмоций.

— Откуда они взялись? — промямлил совсем сникший Петров.

— Прямо на улице заловили, — Марков, кажется, единственный сохранил присутствие духа. — Откуда-то знали, что у меня есть деньги.

— Ясное дело, откуда, — сказал Амелин, кутаясь в шарф. — Твои друзья — хорошие парни нашептали.

— Полицейские? — ахнул Марков. — Думаешь?

— Естественно. Не могли же они сами отнять у тебя деньги, которыми ты так лихо перед их носом размахивал.

Тут Петров неожиданно вскинулся, полез в машину, под переднее сиденье и с победоносным видом вытащил оттуда спрятанную мною камеру.

— Осеева, ты чудо!

— Капец, ну капец! — не унимался Герасимов.

Вдруг из снежной пелены нарисовался Якушин собственной персоной. Он шел не спеша, вразвалочку, спокойный и довольный, с широкой полоской белого пластыря на носу. И только с удивленным видом подошел, как мы все, словно по мановению дирижерской палочки, начали орать на него.

Якушин какое-то время терпеливо слушал, но вскоре не выдержал и тоже начал кричать, что он никому не навязывался и ничем не обязан. Хотя толком не понимал, что случилось.

Потом я наехала на Маркова, что он такой лопух и хвостун, а Марков ответил, что я сама согласилась сесть к ним в машину. Ко мне подключились Герасимов и даже Петров, мы все стали дружно орать на Маркова. Просто стояли над кучей шмотья и кричали на него.

Все, кроме Амелина, который сел на корточки, чтобы вытащить из подвернутых штанин свой драгоценный плеер, но заметил среди вещей несколько прямоугольных белых карточек и, собрав их, принялся внимательно разглядывать.

Оказалось, это фотки Герасимова, и тот с такой злостью вырвал их, что они чуть не порвались.

— Это туда ты собрался ехать? — спросил Амелин.

Герасимов спрятал фотографии во внутренний карман куртки.

— Тебе какое дело?

— Прикольный дом. Можно с тобой? — Амелин умело изобразил святую наивность.

— Нельзя, — Герасимов стал собирать свои вещи.

— А что там? — Петров заинтересовался.

Мы все устали кричать.

Герасимов нехотя передал карточку Петрову. Я не удержалась и тоже заглянула.

Черно-белая фотография прошлого века, а на ней большой красивый дом с колоннами и

балконом, настоящая усадьба.

— Это, наверное, какой-нибудь архитектурный памятник. Музей, — предположил Петров.

— Ничего подобного. Мой дядя там на самом деле живет.

А Марков даже не взглянул:

— Сторожем там работает?

— Это его собственный дом. Он его в девяностых выкупил и полностью восстановил, потому что там раньше была заброшенная больница.

— Ого! На какие шиши он все восстановил? Миллионер, что ли? — саркастично поинтересовался Марков.

— Думал, ты один такой в целом свете? — парировал Герасимов.

— В таком доме я бы спрятался, — с уважением сказал Петров.

— Покажи, — одновременно попросили Якушин и Настя.

— Комнат точно на всех хватит, — согласился Якушин.

— А правда, Герасимов, — начал Петров в своей подхалимской манере. — Давай мы с тобой поедem. Прежде чем меня насильно вернут обратно, я бы хоть одним глазком взглянул, как люди живут.

— Я сам там ни разу не был, — сказал Герасимов. — И дядьку видел только в глубоком детстве. Они в ссоре с моей мамой.

— Вот вместе и поедem, — продолжал окучивать его Петров. — Потому что денег на билет у тебя больше нет.

— Минуточку, — насторожился Якушин, — и как ты предлагаешь туда добираться?

— На машине, конечно.

— С этого места, пожалуйста, поподробнее. На какой это машине без денег он поедет? — произнес Якушин с нажимом, пристально глядя в глаза Петрову.

— Ну, как? — замялся Петров. — На твоей.

— То есть спрашивать меня, хочу я или нет, не нужно?

— Конечно, хочешь, — подключился Марков. — Только представь, как будет беспонтово, если тебя вернут на второй день.

— А вы в курсе, что это нереально далеко? — даже разозленный Якушин выглядел на редкость симпатично. — Очень далеко.

— В Интернете пишут, — откликнулся Герасимов, — что из Москвы дорога занимает семь-восемь часов, а отсюда наверняка часа на два меньше.

— Легко сказать — восемь часов. Я никогда столько за рулем не сидел.

— В Пскове тоже полиция есть. Если будет плохо, пойдem и сдадимся, — здраво рассудил Марков. — Они позвонят моему папе, и нас люксом доведут до Москвы.

В этот момент Якушин обнаружил, что его бумажник тоже забрали, и снова начал ругаться. Все опять завели старую песню. Оказалось, что в бумажнике, кроме денег, у него был паспорт, а теперь осталось всего три тысячи рублей и водительские права.

— Давайте, — вкрадчиво произнес Амелин, — решайтесь. Сейчас девять, если ехать часов семь, то к четырем-пяти утра приедem.

— С тобой я вообще никаких дел иметь не собираюсь, — ни с того ни с сего заявил Герасимов.

— Почему? — широко распахнутые глаза Амелина выражали искреннее недоумение.

— Потому что ты конченный придурок. Суицидник. Небось еще и наркоман.

Амелин равнодушно пожал плечами:

— А если наркоман, то что?

— Что, правда? — испугалась Настя.

— Думаешь, это я простыл? — сказал он доверительным тоном, подходя к ней вплотную. — Ничего подобного. Это у меня ломка такая. Мне очень плохо. Очень.

И вдруг, скрючив пальцы и скрестив на груди руки, он медленно опустился на колени, прямо в кучу с вещами. Немного постоял так с жертвенным лицом, а потом свалился набок и задержался, точно эпилептик.

Все в недоумении застыли, глядя на его тупое кривляние. А затем он вдруг перестал идиотничать, нормально сел и, глядя на нас снизу вверх, спросил:

— И что, вы теперь бросите меня на улице?

Мы были так удивлены, что и не знали, что ответить.

— Это правда? — настойчиво повторила я Настин вопрос.

Амелин сначала медленно и театрально обвел всех взглядом и лишь потом остановил его на мне.

— Конечно, нет, глупенькая. У меня даже на алкоголь аллергия, честное слово. Один раз еле до больницы довели, но, как видишь, откачали. К сожалению.

Он протянул руку Маркову, чтобы тот поднял его, но Марков стоял и недоверчиво смотрел.

— Алкоголь — это другое, — сказал Якушин. — Слушай, ты же видишь, как нам всем тяжело. Если ты еще реально наркоша, давай здесь и разойдемся. Хочешь, мы посадим тебя на поезд?

— Лучше сразу под поезд.

— Да чего ты с ним разговариваешь? — опять попер Герасимов. — Просто он с нами не едет, и точка.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

«Линор», Эдгар Аллан По (пер. К. Бальмонта).

Protect me from what I want, rp. Placebo.

«Ветром стать», МакСим.

«Gate 21», Serj Tankian.

Персонаж аниме и манги «Президент студсовета — горничная!»

Персонаж аниме и манги «Рыцарь-вампир».

Героиня манги и аниме «Дневник будущего».

«Смерть», А. Фет

«Red Flag», гр. Billy Talent.

«Из дома вышел человек», Д. Хармс.